

Лев Вершинин

Хроники неправильного завтра

НЕСКОЛЬКО ОТРЫВКОВ ИЗ «ОБЩИХ РАССУЖДЕНИЙ» (Вместо пролога)

Никто не хочет умирать. Мысль банальна, как и тот грустный факт, что рано или поздно каждому приходится с нею смириться. В конце концов, умирают все. Умирают вожди и подданные, рокеры и брокеры, бюро— и демократы... Умирают даже те, кого при жизни признали бессмертными.

Кстати, о бессмертных. Вряд ли кто-нибудь помнит точно, сколько вообще было римских пап. Однако известно, что к концу XXII века пап с именем Бенедикт насчитывалось ровно двадцать семь. В тихой тенистой аллее Скорбящих на задворках Ватикана каждый желающий может увидеть строгую черную плиту, информирующую о кончине Бенедикта XXVII в завидном возрасте восьмидесяти девяти лет. Но это неправда. Не огорчайся, дорогой читатель! — папа Бенедикт Двадцать Седьмой все еще жив и шлет тебе свой привет...

Да-да, я живу; более того, никогда еще я не чувствовал себя так свежо и бодро, хотя мой врач, магистр Джанбатиста ди Монтекассино — этаким чудак! — продолжает пичкать меня психотропными средствами. Хотел бы я видеть лицо почтенного магистра (кстати, сейчас он увлекается дархайской медициной), узнай он, что его пилюли из кожуры неведомого мне плода ла я выплевываю в унитаз. В моем возрасте не стоит оригинальничать.

...У меня богатая библиотека, беленький пони, замечательная капелла. Авиньон-7 весьма мил, и мне здесь хорошо, правда, скучновато. В старости время тянется долго. Вот поэтому, когда Иоанн-Павел Пятый — пусть будет ему земля пухом! — упек меня сюда, приписав шизофрению, я наконец-то начал всерьез размышлять о Боге.

Можно долго спорить о том, прав или не прав был Лхасско-Тегеранский (Объединительный) Вселенский собор, но, как бы там ни было, а я целых восемнадцать лет был и папой римским, и всеми пятью патриархами, и далай-ламой, и верховным имамом-муфтием, а некоторые называли меня даже Великим Мгангой. Господу это, видимо, нравилось, ну и я был не против. Короче говоря, все были довольны, пока в моем кабинете не появилось несколько пустяковых сувениров. Так, стереокарточки: Моисей с Фатимой Мухаммедовной на пляже в Варне, сам Мухаммед, слегка подвыпивший, Иисус в момент освобождения из-под стражи в зале суда, старина Гаутама и аятолла Хомейни. Правда, последнее стерео без дарственной надписи. Ну и что? В конце концов, каждый волен сам выбирать себе друзей, не так ли? А мой конклав — или, если угодно, кагал — прицепился именно к этому.

Но я, кажется, заболтался...

Уют и одиночество навевают порою весьма любопытные мысли. Умному человеку всегда интересно смотреть со стороны, как две сверхдержавы пыжятся и тужатся, стараясь обогнать друг дружку. Но наступает момент, когда смотреть становится страшновато. Мой приятель Соломон говаривал: «Все пройдет». Но покойному сыну дяди Давида было легко рассуждать. А я старый человек и помню время, когда каждый день мог оказаться последним для всех

сразу. Когда Конфедерация пригласила меня отслужить молебен на учениях «Армагеддон», я знал о так называемом «паранормальном» оружии столько же, сколько и ты, читатель. Магистр Монтекассино, кстати, утверждает, что именно тогда я и свихнулся. Чушь собачья! Подумаешь, распылили планетную системку. Все равно она, кажется, была необитаемой. Но моим прихожанам это почему-то подействовало на нервы. А ведь там была слабенькая учебная установка...

Человек создан так, что даже на краю пропасти он снимает квартиру, обставляет ее по разумению своему, плодится, размножается и процветает, стараясь, правда, не выглядывать в окно. А ведь в те дни, когда Демократическая Конфедерация сообщала: «У нас есть нечто!», в Едином Союзе тут же откликались: «А у нас тоже, но лучше!» И поэтому вполне возможно, что появление сатангов было последним шансом для рассеянных по Галактике землян.

Как, вы не знаете, кто такие сатанги? Ах, что-то слышали, но без подробностей? Правильно, подробности мало кому известны. А я знаю все! Каким образом? Ну я же говорил, что здесь, на Авиньоне, у меня очень хорошая библиотека. Да и интересуюсь я сатангами давненько.

Это чертовски (прости, Господи!) интересные создания. Появились они лет тридцать назад, может быть, чуть больше. Выглядели эти твари по-разному, но чаще всего были похожи на помесь чертика с ангелочком: с рожками, с крылышками, миниатюрные, да еще постоянно меняющие цвет с черного на белый и обратно. Правительства узнали об их появлении раньше всех — и одновременно. Как выяснилось, сатанги не ели, не пили, не умирали; иные говорят, что изредка они делились, как амебы. Сатанга нельзя было убить, он никогда не оказывался там, где намечался какой-либо катаклизм. И ты, читатель, наверное, догадался, что именно я придумал термин «сатанг»...

Лет пятнадцать назад в каком-то малоизвестном журнальчике я прочел статью, в которой говорилось, что сатанги пришли в наш мир, дабы спасти зашедшую в тупик цивилизацию от неминуемого разбивания головы об стенку. Автор, правда, ссылался на источники анонимные, а значит — правительственные, ну а правительственная информация в смысле достоверности сами знаете... Но в его рассуждениях виделся резон.

Некогда мне довелось принимать делегацию сатангов, которые совершали турне по городам-музеям Земли. В приватной беседе тварюшки сознались, что их несколько шокируют изображения им подобных на картинах с луками в руках. Моих гостей можно было назвать рассерженными, если бы было с чем сравнивать, но сравнивать было не с чем, поскольку никто и никогда не видел рассерженного сатанга. Вообще, эти создания славилась беспристрастностью и неприязнью к оружию. Прочем ненависть эта была лишь частью общей неприязни ко всякого, рода конфликтам. Выпив рюмку «Камю», я игриво спросил:

— А есть ли у вас цель в жизни?

— Да, — ответили они хором. — Это Великое Равновесие без конфликтов.

— Но кто же вам дал эту цель? — спросил я в тайной надежде, что они помянут имя Господне.

— Верховный Сатанг, если угодно. И мы — лишь дробные его частицы.

— Вы можете все?

— Нет, мы можем больше.

...Воистину так. Сатанги были единственной абсолютно беспристрастной силой. А силой ли? Да, конечно. Они никогда никому ничего не навязывали, они всего лишь советовали. Но не следовать их советам было бы глупо, ведь сатанги никогда не ошибались, никому не

отдавали предпочтения и всегда чувствовали предел допустимого.

И вот когда это признали все, ими была предложена сверхдержавам пресловутая «квота вмешательства». Принцип прост и незатейлив, как символ веры: при основном запрете на глобальные военные действия и, разумеется, роспуске армий разрешается поставлять технику и специалистов во время конфликтов на планетах третьего мира. Естественно, все — по просьбе властей и во имя самых высоких идеалов. Квота же — о ней знали, разумеется, далеко не все — призвана регламентировать сроки и масштабы поставок на основе паритета. Идея была так хороша, что многие ведомства изъявили желание обзавестись собственным сатангом...

...Итак, кошмар не то чтобы сгинул, но как-то потускнел: стало возможно спокойно подумать о многих делах, ранее подзабытых в суматохе накопления «паранормальных» боеголовок.

Человечество еще упорнее, нежели раньше, мечтало о выходе за пределы Галактики — в Космос, в очень далекий Космос. Кто первый вырвется туда? От этого могло зависеть очень многое, и не только в смысле престижа. Но, давно обоснованный теоретически, супергалактический рывок был невозможен, пока космостроение базировалось на использовании традиционных материалов.

Поразмыслив, сатанги-консультанты рекомендовали обратить внимание на некий элемент — бозэций. Соединение редкое, в лабораториях несинтезируемое и обнаруженное пока что лишь где-то на самой периферии обитаемых миров, кажется, на окраине Магелланова облака.

Рекомендации были рассмотрены.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВЯЩЕННЫЕ БУБЕНЦЫ

1

Дархай. Оранжевая линия.

11 день 7 месяца 5 года Свободы.

— Увести!

Низкорослый пухлолицый человек в заляпанной грязью куртке явно с чужого плеча еще пытался упасть на колени, умолять о чем-то, когда мальчики заломили ему руки к потащили к выходу. Ту Самай знал, что он сейчас услышит. Чужая смерть никогда не радовала его; но не он, и не мальчики, и не десятки и сотни тысяч таких, как они, виноваты в том, что человек, который еще визжит за бамбуковой стеной на Лужайке Справедливости, не увидит Солнца.

Любимый и Родной смотрел на Ту Самая со стены. Как всегда, тверды и спокойны были любимые глаза, и так же тверд был взгляд Ту Самая. Он, кайченг Ту Самай, командир 85-й Образцовой заставы, прожил уже девятнадцать лет: восемь дома и одиннадцать — в джунглях. Детства не было. Юности не было. Была борьба. Был первый «полосатый», громадный, с полуседыми усами. Он навис над Ту Самаем в день, когда на деревню с перевала спустилась рота карателей. Кричали мужчины, тонкими голосами звали кого-то женщины, но усатому нравилось, очевидно, другое; он довольно фыркнул, увидев

сжавшегося в комок мальчишку, и занес для удара ногу в шипастом сапоге. Каратель, видимо, забыл, что горные лунги — это не те лунги, которые живут в Долине.

Ту Самай не помнит, как его нож вошел в селезенку полосатого. Ту Самай помнит одиннадцать лет, проведенных в джунглях. Первое оружие — дедовский самострел с резьбой по ложу, потом — винтовка, старая, но своя, настоящая, взятая в бою, потом — автомат. Это было уже в те дни, когда отряды борцов слились в великую Армию Справедливости. Она наступала, оставляя за собою на радость лесному зверью трупы в полосатых комбинезонах. Города были близко, потом совсем близко. Полосатые бежали на восток.

Ту Самаю не забыть, как он шел в колонне борцов по горящим проспектам Пао-Туна. Вспарывала туман распростертыми крыльями острогрудая птица токон, не живущая в неволе, — символ свободного Дархая. Сам Любимый и Родной принял древко из рук Ту Самая. Ту Самаю навсегда запомнилось это пожатие.

А теперь кайченг Ту Самай охраняет Оранжевую линию. Борьба не кончилась, хотя мальчики еще не все понимают. Там, за Оранжевой линией, еще ходят по земле нелюди в полосатых комбинезонах. Там, за Оранжевой линией — родная деревня Ту Самая.

— Брат кайченг!

Ту Самай очнулся.

— Я слушаю, брат наставник!

— Пора...

— Да, конечно, иду.

...С лужайки уже унесли тело нарушителя. С трудом выводя замысловатые значки. Ту Самай не мог избавиться от мысли, что на месте утреннего «очкарика» вполне мог оказаться брат наставник. Брат наставник ведь не знал, что такое работать с пяти лет, — как только встал на ноги и можешь ползти по склону, собирая плоды ла, не меньше двухсот за день. Двести! Иначе надсмотрщик будет бить бамбуковой палкой по спине, зверея от вида красных полос. Брат наставник ни дня не гнил в джунглях. Он учился в университете Пао-Туна и знал Великую Свободу только по толстым книгам. На смуглой руке брата наставника блестит свадебный браслет. А где суженая Ту Самая? Ту Самай закрыл глаза и представил деда, отца и дядю брата наставника в длинных оранжевых накидках — кайченг, не зная почему, был уверен в этом. И самое главное: брат наставник родился в Долине!

Но Любимый и Родной сказал: «Книги — это хорошо!». И поэтому Ту Самай, преодолевая тягучую ненависть, выводит непонятные закорючки, вслушиваясь в отвратительно-мелодичный голос учителя...

Снайпер раздвинул ветви, увеличив обзор. Отсюда, из гнезда, надежно замаскированного в кроне баньяна. Восемьдесят Пятая застава была видна, как на ладони. Снайпер поглядел на часы, потом в прицел. В нужный момент хронометр пискнет. Натренированный взгляд скользил по шуплым фигуркам в пятнистых комбинезонах, выискивая первого. Первого в этот день, но не первого для Снайпера. Пальцы привычно ощупали зарубки на ложе, все шестьдесят девять, на мгновение задерживаясь на каждой. Эта — за свинарник. Лучший свинарник в округе, теплый свинарник, в котором никогда не умирали поросята. Эта, эта, эта — и так до девятой — за восемь му превосходной земли; она была нежная и мягкая на ощупь, как Тяо, дочь лавочника. Эта — за Тяо, что так и не вошла в дом Снайпера.

Его всегда тянуло к земле. Он любил идти сквозь легкий утренний туман, утопая босыми ногами в мягком лессе Долины, и здороваться со спешащими на работу. Он очень любил землю, больше, чем старшие братья, но отец позвал его и сказал: «Ты поедешь учиться в Пао-Тун. Семье нужен свой адвокат».

С отцом никто никогда не спорил. Младший сын — тем более. Он еще не был Снайпером в те дни. Он уехал учиться, но приезжал на каникулы, и улыбался работникам, кланяющимся меньшому господину, и раздавал нехитрые подарки, которым они радовались, как дети... А потом все кончилось.

Пятьдесят семь, пятьдесят восемь, пятьдесят девять. Отец. Братья. Дом. Грязные бандиты из джунглей волной хлынули с гор и захлестнули равнинные поселки, и проклятые слюнтяи Бессмертного Владыки бежали от них, бросив тех, за чьими плечами стояли поколения предков в оранжевых накидках. Шестьдесят восемь, шестьдесят девять! Сегодня счет станет круглым.

Мальчишки-новобранцы были не интересны; Снайпер никогда не мелочился. Горный варвар с нашивками кайченга внимание привлекал, но такие, как правило, успевают увернуться от пули, а Снайпер берег репутацию.

Вот он, семидесятый! От удовольствия Снайпер присвистнул. Белорукий вонючий предатель в очках был чем-то знаком, они, кажется, даже встречались в университете. Но если и нет, все равно: там было много таких. И это они, именно они виновны во всем. Такие, как горец-кайченг, безопасны. Такие могут жечь, убивать, грабить, но в конце концов умирают на бамбуке или, если повезет, открывают на награбленное лавку в своей грязной деревне. А очкастые книжники, забывшие в шкафах свои оранжевые накидки, вбили им в головы идиотскую мысль о том, что человек равен свинье. И самое главное: тот, кто писал подлые слова на аспидной доске, тоже был родом из Долины!

Снайпер передвинул предохранитель, щелкнул затвором.

Часы пискнули.

...Учитель еще падал лицом в утопанный дерн площадки, а Ту Самай уже знал, что Стрелявший мертв. Кайченг редко промахивался, потому он и стал кайченгом.

За Оранжевой линией, как будто только этого выстрела ждали, пришли в движение переплетенные заросли кустарника. Глухо рыча, на Восемьдесят Пятую заставу двинулись приземистые бронемашины, а за ними, пригнувшись к земле, выкатились пехотные цепи. Фигуры в полосатых комбинезонах хорошо ложились на прицел. Мальчишки нанимали свои места, и лица их были совсем взрослыми. Каждый из них сейчас казался ровесником Ту Самая...

Через три часа всего три бронемашины из десяти смогли уползти за Оранжевую линию. Ту Самай облегченно вздохнул и пошел звонить в штаб, докладывать об очередном пограничном инциденте. Не успел он повесить трубку, как восемь багрово-черных стрел, вырвавшись из-за дальнего холма, захлестнули заставу и смешали в крошечке желтые бамбуковые хижины, зеленый дерн и красные обрывки человеческих тел.

Ту Самай не раздумывал.

— Ладжок!

— Да, кайченг! — один из трех уцелевших, в не по росту большом комбинезоне, шатаясь,

вытянулся перед Ту Самаем.

— Ладжок, беги! Беги в штаб и скажи, что это война!

Паренек с ужасом посмотрел в изуродованное лицо командира.

— Я не пойду.

— Пойдешь... — и кайченг вытащил пистолет.

— Нет! — Ладжок, дрожа, помотал головой.

— Мальчик, это война! — у Ту Самая дергались губы. — Это война, а у нас уже нет связи. Беги...

Уже не глядя на мальчишку, кайченг оглянулся: за его спиной стояли двое. Полосатые цепи пересекали Оранжевую линию.

— Образцовая застава Восемьдесят Пять! За Великую Свободу, за Любимого и Родного — вперед!

...И когда струя огнемета накрыла Ту Самая, он ясно вспомнил строгие и ласковые глаза Вождя.

Объединенное Межгалактическое Агентство (ОМГА) сообщает:

...Популярная дринк-звезда Ози Гутелли прибыл на курорт Уолфиш-Бей, планета Земля, с большой концертной программой.

...В Порт-Робеспьере, планета Гедеон-2, состоялась торжественная церемония открытия Общегалактической Конференции по проблемам использования боэция. С краткой приветственной речью выступили сопредседатели Ааво Р.Харитонов и Энтони Родригес.

...Сенсационная победа новобатумского «Реала» в одной восьмой Кубка Галактики. Счет 6:0. Шансы «Реала» растут. «Челеста» в панике!

...Обострилось положение на планете Дархай. Ограниченные столкновения вдоль демаркационной линии. Человеческие жертвы незначительны.

2

Дархай. Пао-Тун. 13 день 7 месяца 5 года Свободы.

Барал-Гур. 28 день 4 месяца 1147 года Оранжевой Эры.

24 мая 2098 года по Галактическому исчислению.

Подтянутые седовласые люди, разделенные лишь полированным дубовым столом, давно и хорошо знали друг друга. Из таких мест, как Дархай, послы отзывают не часто. Но последние пять лет они виделись реже, чем им бы хотелось. Местные политические склоки, дикие с

точки зрения цивилизованного человека, в конечном итоге привели не только к расколу Дархая, но и к разрыву Империи с Единым Союзом. Посол Союза остался в освобожденном Пао-Туне; посол Демократической Конфедерации Галактики покинул город. Впрочем, ему и раньше древний Барал-Гур нравился больше.

Самым неприятным в этой ситуации оказалась прерванная на пять лет традиция совместных рыбалок. А ведь бывало, да и как бывало! Дон Мигель умел готовить циципао в красном вине. «Это воистину восхитительно», — сказал Бессмертная Владыка, по недосмотру однажды попавший на их пикничок. После этой досадной случайности дон Мигель частенько жаловался коллеге Хаджибулле не беспардонность молодчиков из секретной службы Чертога, чье стремление к кулинарным познаниям изрядно превышало их профессиональные способности.

Да, бывало. А теперь послы сидели, разделенные гладкой доской стола.

— Ну что, дон Мигель, подождем еще полчаса?

— Пожалуй. Куда они денутся, коллега?

— Вы уже оформили бланк 38 дробь 7?

— Разумеется, как, очевидно, и вы. Великая все-таки вещь квота.

— Да, в наше время такого не было...

Синхронно зазвонили телефоны. Повесив трубки, послы посмотрели друг на друга.

— Ситуация обостряется.

— Увы, коллега.

— Простите, но вы, вероятно, затребовали весь лимит?

— Конечно. Все пятьдесят. Пусть раскошеливаются.

— Полностью согласен. Значит, пятьдесят на пятьдесят? Ну что ж, эти игрушки стоят друг друга.

Дон Мигель знал, что говорит. Когда-то в юности, до наступления эпохи равновесия и «Декларации о роспуске армий», он был танкистом. И по сей день посол частенько перечитывал на сон грядущий Гудериана. Впрочем, коллеге Хаджибулле этого было не понять: он служил в авиации и встречаться в те дни им, кажется, не приходилось.

— Они, однако же, затягивают, — Хаджибулла посмотрел на часы. — Что такое?

— Думаю, все в порядке. Уже недолго. Включать?

— Давайте!

Панель приемника осветилась и дружескую тишину кабинета рассек гортанный, резковатый для слуха голос: «Братья и Сестры!»...

— Братья и сестры! Дети Свободного Дархая! — Вождь подался вперед, и, на шаг опередив его, к краю трибуны выдвинулись молоденькие автоматчики. — Мы не хотели войны, нас вынудили. Веками дархаец-созидатель, дархаец-труженик был не более, чем грязью под ногами нелюдей в оранжевых накидках. Вам ли говорить, какова была судьба жителей гор и Долины? Тысячами жизней вымощена дорога к возлюбленной Свободе; ее еще нет, есть только слабые ростки грядущих дней, когда каждый дархаец увидит Солнце. Мы вступили на

эту дорогу без трепета — и никто не сможет заставить нас свернуть или остановиться!

— Дай-дан-дао-ду! — коротким ревом взорвалась толпа и снова замерла. Сотни тысяч глаз были устремлены на хрупкую фигуру Любимого и Родного. В эту минуту каждый ощущал себя лишь крохотной искрой могучего факела Свободы, зажженного восемь лет назад этим художавым седым человеком. Впрочем, нет, не человеком. Вождем!

Великий город Пао-Тун пятнистой курткой борца раскинулся на окровавленном глиноземе Долины. Пять лет назад, после кровавых боев, здесь простирались только развалины. Не боги, ушедшие вместе с полосатыми в священный Барал-Гур, а люди, стоящие сейчас перед трибуной, восстановили его и сделали еще более прекрасным по безошибочным наметкам Любимого и Родного. Только проспекты остались незамощенными, как и тысячелетие назад. Ибо Вождь сказал: «Обычаи следует уважать».

— Родные мои! Врага ничто не остановит, если мы не сплотимся. Смотрите! — один из автоматчиков вытолкнул к самому краю трибуны мальчишку в рваном, свисающем ключьями комбинезоне. — Этот юный герой — вестник Восемьдесят Пятой, Бессмертной, заставы. Сколько могли, они задерживали врага и пали смертью героев. Почтим их память...

— Дай. Дан. Дао. Ду, — мерно произнесла площадь.

— Чем можем мы воздать героям? Если бы кайченг Ту Самай был жив, сегодня он стал бы даоченгом. Я думаю, юный борец А Ладжок не посрамит этого звания...

Из толпы вырвался крик:

— Равняемся на Ладжока!

— Мальчик, с честью носи эти нашивки. И помни: народ не любит угнетателей! — Вождь приблизил подростка к себе, приобнял и заглянул прямо в глаза. — Борьба продолжается. Мы победим!

С криками «Дай-дан-дао-ду!» толпа растекалась.

Адъютант, неслышно возникнув на трибуне, почтительно наклонил голову:

— Посол ожидает, брат Вождь...

Плотные оранжевые портьеры гасили мелодичный перезвон мириад священных бубенцов. Начальник Генштаба был, как всегда, подтянут и сдержан. Он склонил голову перед Бессмертным Владыкой ровно на столько, на сколько полагалось по ритуалу лицу, принадлежащему к одному из Семнадцати Семейств.

— Владыка! Первая часть операции прошла безукоризненно. Оранжевая линия взломана!

Холеное лицо Владыки оставалось бесстрастным.

— Я не сомневался в этом, маршал. Придет время — и я поблагодарю ваших почтенных предков. А пока назначаю вас губернатором Пао-Туна. После взятия город необходимо почистить.

— Весьма почтительно припадаю к стопам Бессмертного, — выдержка начальника Генштаба не уступала выдержке Владыки. — Осмелюсь заметить, что взятие вверенного моим заботам Пао-Туна предусмотрено как заключительный этап операции «Возвращение». И он невозможен... Простите, вряд ли возможен без участия сверхтяжелых танков.

— Чертог Блаженств рассмотрит предложение Генштаба. Не откажите передать привет вашей прелестной супруге.

Все-таки Владыка не сумел скрыть охватившее его возбуждение: чуть расширились и сверкнули карие с желтинкой глаза. Начальник Генштаба позволил себе внутренне усмехнуться. Умение владеть собой — высокое искусство, доступное далеко не всем. И уж, конечно, не сыну танцовщицы из края горных лунгов. Покойный Бессмертный Владыка, отец нынешнего, был несколько вольнодумен — он выбирал наложниц за красоту.

Когда вновь назначенный губернатор Пао-Туна был уже у дверей, его остановил медовый голос личного секретаря Чертога Блаженств:

— Маршал, вы забыли взять свой орден.

...Спустя восемнадцать минут посол дон Мигель Хуан Родриго Санта-Мария де Гуэрро-Бланко-и-Карвахаль принял Бессмертного Владыку.

ОМГА сообщает:

...Трагическая неудача экспедиции в кратер Энарба на планете Галуг. Доктор Зигель говорит: «Мы повторим попытку».

...Напряженные дебаты развернулись на пленарном заседании экономической секции Конференции по вопросам использования бозэция. Попытки обструкции терпят фиаско.

...Громкий скандал разразился в Управлении Финансового Контроля ДКГ. Инспектор, известный под прозвищем «Малыш», обвиняется в получении колоссальных взяток.

...Послы великих держав провели серию консультаций в связи с эскалацией конфликта на Дархае. Достигнута принципиальная договоренность. Встречи прошли в обстановке взаимопонимания.

3

Земля, планета для всех. Уолфиш-Бей.

3 июля 2098 года по Галактическому исчислению.

Голубые волны облизывают бархатистый песок. В небе ни облачка. Февраль в Южной Африке — мягкий, вкрадчивый месяц. Далеко еще до июльских ветров и до бурь августа. Словно в насмешку сохраняет этот райский уголок жутковатое название «Берег Скелетов». Изредка из возрожденной саванны приходят на пляжи побережья любопытные антилопы: посмотреть на странных людей, барахтающихся в соленой воде, с достоинством пронести себя мимо шезлонгов и получить то, чем их никогда не балует старый бушмен Хендрик, смотритель заповедника.

Около акульей выгородки, как всегда, бушует толпа. Зрелище стоит того: два любителя против двух профессионалов. Два поклонника острых ощущений против двух голубых акул. Некоторые называют этот спорт «корридой эпохи равновесия». Хотя в чем-то они правы, однако у акул почти нет шансов не только на победу, но и на спасение. Бывает, конечно, и наоборот. Но так редко, что Вселенская Лига Друзей Живого который год ведет борьбу с этой

разновидностью убийства, борьбу, столь же бескомпромиссную, сколь и безуспешную. Вот и сейчас среди толпы болельщиков нашлась миловидная девушка, подбадривающая рыб. Впрочем, ей не повезло: еще за две минуты до контрольного времени покрасневшая вода успокоилась, и акулы со вспоротыми животами пошли на дно. Пожав друг другу руки, победители разошлись.

— Лемурка, ты действительно хотела, чтобы со вспоротым брюхом всплыл я?

— Называйте меня Эльмирой, Андрей.

— Ну перестань... если я бы знал, что для тебя это так серьезно, я бы не полез.

— А я не нуждаюсь в одолжениях убийцы.

— Но это же был честный бой...

— Вот именно. Ты вел себя, как какой-то... древний солдат!

— Обижаешь, начальник... Древнего солдата эта тварь съела бы, не моргнув. И вообще, чем тебе не нравятся солдаты?

— Ну знаешь ли!

Воистину, принципы — не какой-нибудь фунт изюма. Поступаться ими мало кто умеет, а уж отстаивать до последнего вздоха — все мастера. Но... Милые бранятся, только тешатся. И хотя Лемурка была убежденной защитницей всего живого, но, право же, большая рыба с тупыми глазами и рядами острых зубов, несмотря на безусловный трагизм своей участи, была не тем, что могло бы поссорить их всерьез. Во всяком случае, к пестрой компании, вольготно расположившейся у кромки приборя, Андрей и Эльмира вернулись еще не примирившимися окончательно, но уже и не переругиваясь. Встретили их не без укора.

— О, Андрюша! Гитара-то заждалась...

— Да ладно, ребята, вы же уже все слышали. А впрочем, по особому заказу, — быстрый взгляд на Эльмиру, — одна очень старая песня!

Задымилась земля в костре, словно ночь расплескала медь.

Вертолеты летят быстрее, чем хотелось бы мне лететь.

И молчанье, сводя с ума, между нами встает опять; Ты не жди от меня письма, Мне отсюда нельзя писать...

Мягкий перебор струн налился силой, окреп, гитара уже не Шептала, она говорила, тихо и грозно.

Горизонт распахнулся вширь, Исчерпав синеву до дна, Подо мной не война и мир, Подо мною — одна война.

Те, кто пулю глотнул во мгле, Как и я, под сплетеньем трасс, Вместе с нами летят к земле, Потому что таков приказ...

Песня зазвучала на два голоса. Давешний светловолосый напарник Андрея по битве в акульей выгородке, высокий парень с алым значком на груди, оставив свою компанию, подсел поближе и подхватил последнюю строфу.

Под ногами земля — тверда.

Автоматы рычат давно, Те, кто ждал нас, кричат «Ура»

Не по-русски, но все равно.

Выползает из тьмы рассвет, Прерывает короткий бой, Надевает земля берет, Как и наш — голубой...

Как-то незаметно обе компании слились в круг. Молоденький паренек, едва ли не самый младший здесь, попытался пробраться поближе к поющим, но его оттерли, прикрикнув: «Яан, уши надеру!».

Сигарету свою тушу, К вертолету бегу, скользя.

Пуду дома — все расскажу, А писать, извини, нельзя...

note 1

Песня оборвалась коротким всхлипом струны, но никто не шелохнулся. Девушки зябко поеживались.

— Странная песня, — сказала Эльмира.

Светловолосый усмехнулся.

— Солдатская песня.

— Хорошая песня! — категорическим тоном заявил Яан из-за спин, и, как ни странно, именно эта фраза сорвала оцепенение.

— Странно все же: армий давно уже нет, а песни еще есть, — словно ставя точку, откликнулась Эльмира.

Больше об этом не говорили. Завязался и окреп разговор, переходящий в общий гомон. Компании знакомились, и, как нередко бывает на пляжах Земли, Планеты Для Всех, оказалось, что многие, если и не встречались раньше, то имеют общих знакомых, — и появились темы, интересные для всех, и были обсуждены шансы новобатумского «Реала» на Главный Кубок, и общим вердиктом была осуждена бушменская национальная кухня (личинки непонятого происхождения в молоке и сушеный хвост пустынной крысы), и многое, многое другое. Лишь двое не вмешивались в общий треп.

— Приятно видеть человека, который знает солдатский фольклор. Андрей!

— Джимми!

— Давно в Уолфиш-Бее?

— Вторая неделя. С делами отстрелялся — и сразу на Землю.

— Послушай, Джим, а ты, случаем, не астрофизик?

— Он самый.

— Я тоже. Горная станция?

— Так точно.

— Церион-4?

— Нет, Пенелопа-2.

— Жаль. Я подумал — соседи.

Помолчали.

— Хорошо тут все-таки...

— В отпуске везде хорошо. — Джимми приподнялся, сел, обхватив руками колени. — Кстати, твой заключительный удар там, в бассейне... Кажется, старая мексиканская школа?

— Нет, это из кэндо. А впрочем, какие уж там под водой школы? Акулы в этом не разбираются...

Между тем общий разговор окончательно сконцентрировался на спортивных проблемах. Ничего удивительного — в год розыгрыша Кубка Галактики футбол снова вошел в моду, опередив и бесконечный чемпионат по шахматам, и большие гонки Лютеция — Новый Дакар. В этом сезоне новобатумский «Реал» рвался вперед, как торпеда, быстро наращивая шансы стать новым, сто двадцать шестым членом клуба «Бессмертных команд Вселенной».

— А все-таки «Реал» — не команда! — прислушавшись к возгласам, убежденно заявил Джимми.

— Или я с этим спорю? — возмутился Андрей. — Если бы не чехарда с тренерами, наш «Черноморец»...

— Именно так, — глубокомысленно кивнул Джимми, — у нас в «Челесте» тоже с этим проблема.

— Ничего, мы еще встретимся в финале, Джимми!

— А как иначе, Андрэ!

И они обменялись значками болельщиков. На футболке Джима заблестел бело-голубой значок «Черноморца», а шею Андрея украсила цепочка с золотисто-алой эмблемой «Челесты», выполненной нарочито грубовато.

— Береги... — Джимми поправил медальон. — Сам делал.

Откуда-то сверху обрушилась гитара.

— Не отлынивайте, артисты! Твоя очередь, Джи-Джи!

Солнечный луч прыгал по лакированным, игриво выгнутым бокам «Кремоны». Джимми подкрутил колки.

— Песня бушмена Хендрика. Не возражаете?

Когда нам умереть наступает срок, Приходит ветер, чтобы нас смести.

Он взметает пыль и гонит песок, Чтоб навеки стереть следы наших ног.

Чтобы наши следы унесли с земли — Со всех дорог, где мы в жизни шли.

Джимми замолчал, но песня не оборвалась. Сидящие подхватили ее, и светловолосому гитаристу не оставалось ничего иного, как подыгрывать поющим.

Потому что, останься нестертый след, Выходило бы так, что нам смерти нет, И поэтому ветер в назначенный срок Сметает с земли следы наших ног...

note 2

Незаметно подплыл искрящийся на солнце информационный шар и, деликатно откашлявшись, сообщил: «Джеймс Патрик О'Хара! Вас ожидает переговорная кабина девятнадцать. Аршакуни Андрей Мирославович! Вас ожидает переговорная кабина двадцать два. Спасибо за внимание».

Почти одновременно парни поднялись и вразвалку пошли к павильону. Девушки смотрели им вслед.

Над кабиной номер двадцать два мягко светился голубой плафон: «Связь установлена».

— Ну, Джим, я пошел.

— Лады.

Андрей плотно прикрыл за собой дверь, нажал кнопку затемнения. Экран вспыхнул. На Андрея смотрел усталый немолодой человек с четырьмя ромашками в петлицах.

— Мой генерал, лейтенант Аршакуни по вашему приказанию явился!

— Лейтенант, Родина требует, чтобы вы выполнили свой долг.

— Слушаюсь!

— За вами послан флаер. Собирайтесь.

Когда Андрей вышел из кабины, холл был пуст. Плафон над девятнадцатой источал голубоватое сияние. Во тьме кабины субалтерн Джеймс О'Хара стоял навтыжку перед изображением человека с пятью кленовыми листьями на погонах.

ОМГА сообщает:

...Беспрецедентное побоище в Уолфиш-Бее! На гала-концерте дринк-звезды Ози Гутелли вспыхнула драка соперничающих фэн-клубов. Семь человек доставлены в больницы города с незначительными телесными повреждениями.

...Заседания всех секций Конференции по проблемам использования боэция зашли в тупик. Лорд Коркней призвал джентльменов к максимальной сдержанности.

...Большая Дума Вселенской Лиги Друзей Живого постановила исключить из рядов объединения леворадикальную группировку, призывающую к отказу от потребления органических продуктов. Пикеты экстремистов у штаб-квартиры Лиги!

...Обстановка на Дархае остается напряженной.

4

Ормузд-2 (Единый Галактический Союз).

Гей-Элефтера (Демократическая Конфедерация Галактики).

17 июля 2098 года по Галактическому исчислению.

Присутствующие рассаживались не торопясь, успевая задержаться у одного-другого кресла, обменяться новостями, посмеяться над свежим анекдотом. Соберись они в другом месте, все это могло бы показаться ежегодным слетом однокашников или пленарным заседанием клуба любителей чего-нибудь. В зале было шумновато. Однако же место встречи настраивало на вполне определенный, деловой лад. И к тому моменту, когда тяжелый багровый занавес бесшумно раздвинулся, открыв сцену с небольшим столом посередине, шуршание и шелест стихли.

Коренастый, немного сутулый человек в форменной куртке с четырьмя ромашками в петлицах, с положенным по уставу (параграф 28, статья «Б») мужественным и одновременно умным лицом, четко прошагал по сцене к столику. Еще не сев в кресло, он повернулся к залу лицом и негромко сказал:

— Здравствуйте, друзья!

Зал отреагировал: аплодисменты не стихали три минуты, точно по уставу.

— Друзья! Вы дети разных планет нашего Союза, у вас различен цвет кожи и говорите вы на разных языках, но вас объединило великое и святое понятие — ненависть к насилию. Вы пожертвовали всем, даже своей личной жизнью во имя того, чтобы Единый Галактический Союз развивался, креп и процветал, чтобы нигде во Вселенной не лились кровь и слезы. Долгие годы вы вынуждены были даже и от матерей своих скрывать свое благородное предназначение, но сегодня настало ваше время: зло поднимает голову!

За спиной оратора засветился экран.

Незнакомый рисунок созвездий. Затем, отдельно, небольшая звезда класса Солнца с планетной системой. Крупнее — ее вторая планета, серо-сиреневый шар, подернутый легкой голубоватой дымкой.

— Дархай, — раздался бесстрастный голос, — вторая планета системы Д-5, четырнадцатый сектор восьмого региона Магелланова облака.

В темноте зала кто-то произнес: «Однако!». Чуть дальше озадаченно присвистнули. Информатор привел общую характеристику, особо выделив постоянную плотную облачность над планетой.

— В остальных условиях близки к земным. Четыре пятых планеты Дархай занимает океан.

На экране высветилась карта: сплошная синева, испещренная крохотными точками архипелагов, и вытянутый вдоль экватора материк, чем-то напоминающий сказочного дракона...

Джимми смотрел с интересом.

Пожилый, благородного вида дархаец в оранжевой мантии, сопровождаемый семнадцатью старцами, сверкающими ножницами срезал продолговатый плод с ветки невысокого, прихотливо изогнутого деревца.

— Традиционное политическое устройство — монархия. Император, он же Бессмертный Владыка, располагает всей полнотой власти, которая, впрочем, подконтрольна Совету Семнадцати. В настоящий момент дархайский престол занимает Харьядарван IX Лаудитья, сын человека, которого вы видели.

Экран полыхнул оранжевым. Сотня, пожалуй, даже полторы («Сто сорок восемь», — уточнил информатор) юношей в ярких накидках плечом к плечу выстроились во внутреннем двореке дворца. Камера выделила лицо одного из них. Спустя мгновение именно он, преклонив колени, принял из рук Бессмертного Владыки глянцеви́тый плод.

— Принц Лаудитья в момент официального провозглашения его наследником престола. Сто двенадцатый сын императора Харьядарвана VIII. Почетный доктор философии и права. Магистр теософии. На дархайском престоле седьмой год.

На экране возникло нечто столь яркое и помпезное, что, даже не вглядываясь, можно было узнать коронацию. Джимми, да и не только ему, бросилась в глаза странная деталь: среди общего блеска, в самом хвосте процессии пристойно рыдающие служители торжественно несли десятки («Сто сорок семь», — уточнил информатор) богато украшенных гробов...

Андрей стиснул подлокотники кресла.

Там, на экране, били ребенка. Сытый кругломордый надсмотрщик со скучающим видом отсчитывал удары.

— Основной предмет экспорта Дархая — плоды ла, обладают высокими тонизирующими и общеукрепляющими свойствами, сырье для производства психотропных препаратов. Так до недавнего времени наказывали взрослого дархайца, не выполнившего дневную норму уборки. Официальное наступление трудовой зрелости по законам Империи — пять лет от роду.

В тишине зала кто-то громко сглотнул.

— А сейчас вы видите имперскую каторгу. Впрочем, во владениях Семнадцати Семейств имелись собственные зоны изоляции, неподконтрольные центральным властям.

Сотни полуголых изможденных людей, утопая по колена в лиловой жиже, двигались строго в затылок по кругу, держа на плечах бесформенные базальтовые глыбы. Упавшие не поднимались; по ним проходили, все глубже и глубже втаптывая в жижу.

— Это расправа с пленными после разгрома одного из первых отрядов «борцов Свободы Дархая». Зверства центральных властей и наемников Семнадцати Семейств лишь укрепили волю народа к борьбе.

На полу тесной лесной хижины сидит почти совсем седой, хотя и не старый дархаец в пятнистом комбинезоне. Он говорит что-то, жесты его скупы и выверены, лицо спокойно, только в глазах — боль и ярость. И мальчишки, сжимающие самострелы, смотрят на него с обожанием.

— Юх Джугай, равнинный лунг; человек, который смог стать самым любимым и родным для каждого простого дархайца. Философ-самоучка. Основные труды: «Устав Борцов Свободы», «Раздумья о невозможном», «Война и джунгли», «Великий путь квэхва». Девять лет назад сумел объединить разрозненные отряды повстанцев в Армию Свободы.

Оборванные тощие мальчишки весело шлепают босыми ногами по улицам хмурого обугленного города. Один из них, совсем юный, несет впереди колонны высокое древко с изображением распростершей крылья птицы.

— Пять лет назад Борцы Свободы вошли в Пао-Тун, бывшую столицу Дархайской Империи. Перед народом Дархая впервые в истории открылась дорога к сияющим высотам Равенства, Братства и Прогресса...

За спиной Джеймса О'Хара кто-то поперхнулся и выругался сквозь зубы. Джимми с трудом проглотил подступивший к горлу комок.

Положив руки на плечи друг другу, худые, преждевременно состарившиеся люди кружатся в хороводе вокруг высокого широкостволого дерева, распластавшего крючковатые ветви. Лица в кадре мелькают. Люди кричат — радостно, это ясно, хотя кадр не озвучен. А на ветвях дерева, в строго определенном порядке — через одного, вверх ногами и вниз — висят остатки людей в оранжевых лохмотьях. Среди трупов есть совсем крохотные.

— Вы видите ликование крестьян. Так они карают извечных угнетателей. Однако, помимо стихийных расправ, на территории, занятой инсургентами, действуют и так называемые «семерки Свободы».

Перед серьезными нахмуренными мальчишками стоят на коленях связанный белобородый старик, молоденькая женщина и двое детей.

— Эти четверо не принадлежат к Оранжевым Дархая. Их вина лишь в том, что кормилец семьи демобилизован в армию императора.

Джимми закрыл глаза. Кровь стучала в висках. Нет. Нет! Такое невозможно за два года до начала XXII века!

— Таким образом, согласно «Уставу Свободы», — ввинчивался в мозг размеренный голос информатора, — семья «полосатого» должна публично проклясть его и искупить примерным трудом скверну родства. Так, например, дети будут отданы в школу «юных борцов». Они больше никогда не увидят матери, которая будет помещена в специальный Дом Возмужания при краткосрочных курсах десятников. В отношении стариков Семерки Свободы порой проявляют снисхождение...

Экран погас.

— Но борьба Дархая не окончена. За демаркационной Оранжевой линией, разделившей окровавленный континент, прислужники феодальной клики не желают смириться с рождением на дархайской земле народного государства, нового строя. Сегодня на Дархае вновь льется кровь. Дивизии «полосатых», нарушив перемирие, рвутся к Пао-Туну. Свободный Дархай обратился к Единому Галактическому Союзу с просьбой о помощи.

Человек с ромашками в петлицах перевел дыхание.

— Я могу, но не хочу приказывать. Вас здесь триста человек. Нужно только пятьдесят...

Полсотни добровольцев-счастливчиков вытянулись перед штандартом «Кленовый Лист». Вдоль шеренги шли двое, внимательно всматриваясь в прозрачные молодые глаза. Эти двое, совсем разные внешне, чем-то неуловимым очень походили друг на друга: пятилистный коммодор Демократической Конфедерации Галактики с обожженным, изуродованным лицом и высокий сухопарый дархаец в оранжевой накидке — Чрезвычайный и Полномочный посол Империи.

Время от времени, выделив в строю по одному ему известным признакам кого-то, коммодор подходил, крепко сжимал руку офицера и тихо говорил:

— Завидую, сынок... Возвращайся с победой.

Посол рук не пожимал никому. Он просто молча шел мимо строя, неестественно выпрямившись; по смуглому морщинистому лицу медленно текли слезы.

ОМГА сообщает:

...Инспектор Мегалопа Арпад Рамос, известный по прозвищу «Малыш», опроверг все обвинения и назвал имена сотрудников Управления, связанных с мафией. Следите за выпусками!

...На Конференции по проблемам использования боевая после двенадцатичасовых прений выработаны рекомендации по дальнейшей программе работы форума. В последний час: профессор Рубин покидает зал заседаний!

...Впервые за столетия по цензурным соображениям запрещен полнометражный художественный фильм! Коллектив студии «Эго» и съемочная группа фильма «Парад желаний» объявили лежащую забастовку. Режиссер Лауренсио Неберия заявляет: «Я отстаю свою эстетическую позицию!»

...Обстановка на Дархае постепенно нормализуется. Консультативные группы экспертов отбыли из столиц великих держав в район конфликта.

5

Дархай. Фронт.

16 сентября 2098 года (по Галактическому исчислению).

...Каким-то чудом в деревушке уцелели десятка два хижин. На сплошном черном пятне, которое еще утром называлось укрепленным поселением Кай-Лаон, они казались неестественными, ненужными. Но они были. И солдаты в полосатых комбинезонах с оранжевыми нашивками пинками выгоняли из них выживших жителей. Ветер гнал по Долине хлопья гари, засыпая продолговатые бугорки, сотни скрюченных тел в пятнистых форменных куртках. Борцы Свободного Дархая вгрызлись в землю и стояли насмерть, отражая наступление отборных войск Бессмертного Владыки. За двое суток непрерывных боев ни пехота, ни танки под оранжевыми знаменами не смогли взломать оборону противника.

Генштаб решил ввести в бой отдельный танковый корпус...

Теперь те, кто дрался до последнего, защищая подступы к Кай-Лаону, лежали, а на пепелище победители сгоняли уцелевших крестьян. Их оказалось на удивление много, не менее ста. Отобрав нескольких женщин посмазливее и жестом пригласив солдат угоститься, капрал позвал к себе невысокого лысеющего человека в потрепанной оранжевой накидке.

— О уважаемый дхаи, не соблаговолишь ли ты указать нам смутьянов? Не всем же повезло так, как той падали?

— Мне кажется, они уже достаточно наказаны, капрал...

— Вам кажется? — с легким презрением передразнил военный. — А я имею четкий приказ.

Не волнуйтесь, я подвешу самого никчемного работника. Вот этот — шумел, пожалуй, еще при вашем дедушке, дхаи!

Старик с реденькой пегой бороденкой вздрогнул и сгорбился еще сильнее.

— А впрочем, нет. Взгляните, дхаи, каков молодец! Экая злоба в глазах, — взгляд капрала уперся в высокого молодого крестьянина. — Ну, мы его сейчас живо успокоим. Эй, Кан, помоги-ка достопочтеннейшему дхаи выхолостить этого жеребчика...

Один из «полосатых» с неохотой оторвался от толпы, сгрудившейся над женщинами, и вразвалку подошел к парню.

— Раздевайся, брат-борец, капрал ждет! Сам дхаи окажет тебе честь.

Побледнев до голубизны, крестьянин отшатнулся, на худой шее дернулся кадык — и ухмыляющийся солдат с проклятием отпрянул. Крестьянин плюнул прямо в глаза.

Капрал, казалось, даже обрадовался.

— Э, да ты ж с норовом! Видно птичку по полету; никак не меньше, чем писарь ячейки Свободных... Что ж, на баньяне Свободы мы тебя и повесим, вниз головой, а снизу — костер, чтоб мозги не простудил. Действуй, Кан!

Почти беззвучно на пыльной дороге из густеющего тумана выползла громадина «Саламандры». Тяжко осев на грунт, она еще секунду вибрировала. Джимми О'Хара, откинув люк, жадно вдохнул мокрый, чужой, но удивительно вкусный воздух. Теперь он точно знал цену рассказам ветеранов. Надо быть очень странным человеком, чтобы радоваться битве. Он был в бою, и пойдет в бой еще раз, и еще, когда прикажут, но радости в этом нет. Ремесло солдата оказалось тяжелым и грязным. Но в глубине души Джимми сознавал, что будет день, когда, глядя в честные глаза безусых курсантов, он станет травить им красивые байки о блестящих колоннах на марше и девушках, с радостной щедростью награждающих победителя. Есть вещи, которые нужно увидеть самому.

Уставший взгляд неожиданно зацепился за некую жанровую сценку. Джимми поморщился и полоснул по солдатушкам, резвящимся с женщинами, башенным инфрайзлучателем. Прицельно. Еще раз. Недобро ухмыльнувшись панике, он сплюнул на броню, спрыгнул на землю и медленно подошел к дереву.

— Это еще что, капрал?

— Извольте убедиться, господин Большой Друг, смутьяна вешаем. Так сказать, знай, смутьян, про Свой баньян! — капрал подобострастно хихикнул.

— А бывали ли вы в штрафном батальоне, капрал? — Джимми доброжелательно улыбался.

— Никак нет, господин Большой Друг! Имею орден Верного Пса четвертой степени и нашивку за постоянную готовность!

— Тем более обидно было бы увидеть вас в трибунале... А право на расстрел надо еще заслужить. Бамбук растет очень медленно, вы ведь слышали об этом, капрал? Чтоб я этого больше не видел, ясно? Вы — воины-освободители, а не банда убийц. Исполняйте!

Постороннему человеку секунду спустя могло бы показаться, что капрал вырывает из рук палачей родного брата.

— Простите, — сказал Джимми крестьянину. Тот только злобно сверкнул глазами на высокого светловолосого чужака в полосатой форме.

...Джимми устало шел по деревне. Жить ему не хотелось. Дорогу медленно пересекала девочка, маленькая замурзанная девочка, сильно приволакивающая ножку. Дурная примета! Суеверный дархаец сразу же пал бы в пыль ничком и прочел заклинание от сглаза. Но Джеймс Патрик О'Хара не был дархайцем, поэтому он просто присел, заглянул в глубокие, немного раскосые глаза и невесело улыбнулся. Потом похлопал себя по карманам и нашел чудом сохранившуюся, еще с Земли захваченную конфету.

— Держи.

Девочка вздрогнула.

— Да не бойся! — Джимми не знал, понимает ли его дикарка.

Она как-то жалобно улыбнулась в ответ, крепко схватила яркую диковинку и неловко поковыляла к приземистой хижине, волоча ногу по черной пыли. Сзади послышался дробный топот сапог.

— Господин Большой Друг! Пятнистые прорвали фронт.

Начальник Генштаба по заслугам получил «Золотое Ла» по окончании академии. Любимый и Родной академий не кончал. Возможно, поэтому охватывающий фланговый удар отдельного танкового дао «Братья Дархая» оказался настолько неожиданным. Получив первые сообщения, начальник Генштаба долго смеялся над этой выходкой дилетанта. Отсмеявшись в досталь и склонившись над картой, он вдруг понял, что все потеряно.

Как истый представитель первого из Семнадцати Семейств начальник Генштаба не позволил себе проявить слабость при подчиненных. Он поднял телефонную трубку и бесстрастным голосом отдал приказ об общем отступлении. Корпусу «Саламандр» предстояло прикрывать отход...

На экране визора метались полосатые тени. Время от времени в перекрестье возникали противотанковые батареи, тщетно пытавшиеся хоть ненадолго задержать наступающих. Танк сминал их быстрее, чем Андрей успевал об этом подумать. Машины Далеких Братьев рвались вперед, оставляя за собой смятые, искореженные обломки орудий, разбегающиеся расчеты и горящие жестянки оранжевых броневиков, чьи водители с безумной храбростью обреченных решились на таран. Северная и южная группы отдельного дао должны были вот-вот сомкнуться на развалинах укрепленного поселения Кай-Лаон.

Андрей не испытывал ни азарта, ни страха. Если что-то и беспокоило его, то, скорее всего, стыд. Стыд перед дархайцами, потому что лично ему в этой огненной кутерьме ничего не угрожало. Инструкторов туземцы не обижают. В случае же непосредственной опасности для машины танк заботливо катапультировал водителя. Но в этом районе Галактики не было силы, способной остановить «тристасороковку».

Андрей уже слышал в шлемофоне голос лидера Северной группы:

— Я — «Сокол», я — «Сокол»! Нахожусь в восьми километрах от точки двадцать два. Я — «Сокол», прием!

«Сокола», Франтишека Ярузека, Андрей знал еще по училищу и, признаться, немного завидовал ему: Франта любил быть первым, и это ему удавалось. Но на этот раз лейтенант

Аршакуни тоже был лидером.

— Я — «Индира», я — «Индира». Как слышите? Прием!

— Езус сладчайший, кого слышу! Пани, через пять минут назначаю вам свидание в точ...

Фразу прервал скрежет. Андрею не надо было напрягать слух, чтобы узнать взвизг катапульты. В шлемофоне раздался чужой гортанный голос, слегка искажающий классическую лингву:

— Я — «Кондор-2»! «Кондоры», делай, как я! Помни Аламо!

«Кондоры» делали, как он. Андрей впервые видел вблизи так много «Саламандр». Далекое Братья приняли вызов Больших Друзей Бессмертного Владыки...

Впоследствии этот бой будет признан классическим и включен в специальные курсы танковых академий Дархая. Седовласые преподаватели тщательно проанализируют все: и кастовую самоуверенность начальника Генштаба, и свойственную истинным самородкам мудрую дерзость Любимого и Родного. Они переведут на сухой язык формул мужество пехоты и жертвенность дархайских артиллеристов и сойдутся во мнении, что только ужас дал остаткам деморализованных «полосатых» дивизий силы вырваться из «мешка» под защитой «Саламандр». Но «Саламандрам» отступать было уже некогда...

Андрей и шедшие за ним не знали, что творят шедевр.

После пятичасовой мясорубки из пятидесяти «Саламандр» и пятидесяти «Т-340» осталось соответственно одна и четыре. Догонять прорвавшегося счастливчика не было ни смысла, ни надобности: танки Братьев Дархая вошли в Кай-Лаон.

Когда Андрей въехал в центр поселения, там уже копошилась пехота. Три щуплых женских тела слегка раскачивались на ветвях гигантского баньяна. Андрей разобрал надпись на табличке под деревом: «Оранжевые подстилки». Меньше всего эти обезображенные смертью крестьянки были похожи на сытых шлюх. Чуть поодаль даоченг, почти мальчик, с непостижимым равнодушием наблюдал, как молодой крестьянин избивает старика-дхаи в оранжевой накидке. У того уже не было сил уворачиваться от ударов. Время от времени крестьянин посматривал на даоченга и тот согласно кивал.

Андрей сорванным голосом крикнул:

— Даоченг!

Мальчик с достоинством повернулся:

— Даоченг А Ладжок слушает тебя, Далекый Брат Дархая.

— Что происходит, даоченг?

А Ладжок скромно пожал плечами.

— Народ гневается, — заметив короткий жест Ладжока, крестьянин замер в нерешительности. — Брат-борец, хотел бы ты, чтобы наши женщины рожали «полосатых» ублюдков? Ни одна честная дочь Дархая не отдаст себя этой мрази живой. Не так ли, брат-борец? — Даоченг смиренно улыбнулся Андрею. — Видите ли, Далекый Брат, единство

народа и его армии священны. Продолжай, брат-борец.

Крестьянин занес палку над головой старика.

— Стой! — Андрей перехватил сухую жилистую руку. — Даоченг, ведь это же старик!

А Ладжок приблизился почти вплотную и снизу вверх посмотрел в глаза Андрею.

— Когда Вождь, Любимый и Родной, вручал мне эти нашивки, он сказал: «Народ не любит угнетателей». Именно так он сказал... Я думаю, тебя уже ждут в штабе. Далекий Брат!

...У дверей штаба безутешно плакала маленькая девочка. На ломаном дархи Андрей спросил:

— Я могу тебе помочь?

Девочка не подняла головы. Андрей присел и повторил вопрос. Девочка плакала навзрыд. Своей сестре в таких случаях Андрей давал конфету. Это было самое большее и, пожалуй, единственное, что он мог сделать сейчас. Но конфеты остались дома. Далекий Брат расстегнул планшет и протянул девочке НЗ — пачку галет и плитку сушеного ла в серой обертке из скверной бумаги, украшенной профилем Вождя.

Девочка подняла голову и спросила:

— Дядя, а почему ты плачешь?

ОМГА сообщает:

...Обвинения, предъявленные Арпадом Рамосом, отвергнуты большим Жюри как бездоказательные. Господин Пак Сун Вон освобожден из-под стражи!

...В работе Конференции по проблемам использования бозэция объявлен двухнедельный перерыв.

...Папа Сильвестр Шестой в беседе с нашим корреспондентом категорически опроверг измышления врагов Единой Церкви о том, что на планете Авиньон в психиатрической лечебнице монастыря Святого Ромуальда ибн Лобсан-Жамцо якобы томится папа Бенедикт Двадцать Седьмой.

...Массовые братания армии и мирного населения в истекшие сутки происходили на Дархае близ населенного пункта Кай-Лаон. Таковы реальные плоды конструктивного курса на национальное примирение!

6

Дархай. На подступах к Барал-Гуру.

8 октября 2098 года (по Галактическому исчислению).

Барал-Гур был близок и вместе с тем почти недосягаем.

Стоя на самом краю провала, Андрей ясно видел линии укреплений на той стороне. Да,

«полосатые» постарались на славу — а что им еще оставалось делать? Купола храмов священного города уже отчетливо просматривались в бинокли. Оставалось немного — форсировать пропасть...

— В давние времена, когда деревья ла еще не плодоносили на земле Дархая, полюбил Хото-Арджанг Деву Неба, прекрасную Кесао-Лату. Но отвергла надменная красавица страсть Духа Добра, презрела его силу, его славу, его красоту. Звезды зажег во имя любви своей Хото-Арджанг. Солнца факел воспламенил, но, смеясь надменно, облачной шалью окутала Дархай капризная дева. Ветром пел о любви своей Дух Добра, дождем плакал перед нею, но, словно седое время, неумолима была Кесао-Лату. И тогда воздвиг для нее за единую ночь Хото-Арджанг священный город любви Барал-Гур, и смилоствивилась красавица, и снизошла, и открыла лоно свое страсти Доброго Духа. А чтобы никто из высших не потревожил их брачный покой, оградил могучий Хото-Арджанг златоглавые храмы Великой Пропастью и наложил крепкое заклятье. Но время шло, и вот сказала Кесао-Лату: «О супруг мой, о повелитель ложа моего! Пришел день мой, и зовет меня ныне Небесный Порог. Жди и не забывай!» И не стало несравненной, и поблекла краса мира. Померк без любимой свет в очах Хото-Арджанга и в сон погрузился он до прихода ее. А чтобы нашла сияющая тропу от Небесного Порога, когда пробьет заветный час, повесил Дух Добра в храмах Барал-Гура священные бубенцы, и создал лунгов Хото-Арджанг, чтобы не молчали бубенцы, и знала Кесао-Лату дорогу к Дархаю, когда придет она в должный час поцелуем пробудить от сна милого супруга... — полузакрыв глаза, нараспев выговаривал Ладжок.

Лица борцов были необычайно мягки. Здесь, в горах, суровость, казалось бы, намертво въевшаяся в них, стала менее заметной. Может быть, потому, что победа была так близка? Или оттого, что даже сюда, за десятки километров, доносился из города тихий мелодичный перезвон?

А Ладжок замолчал, и Андрей с сожалением щелкнул в кармане кнопкой магнитофона. Сказка кончилась. Глаза даоченга сузились и вспыхнули:

— Борцы Дархая! В наших рядах сегодня незримо идет прекрасная Кесао-Лату, и нам выпала честь прервать сон Хото-Арджанга! С нами память наших дедов, в наших сердцах сияют идеи квэхва, рожденные Любимым и Родным!

«Но танк здесь все равно не пройдет, — подумал Андрей, — даже с помощью идей квэхва...»

— Ошибаешься, Далекий Брат, — Ладжок откликнулся тут же, словно угадал его мысли. — Идеи квэхва двигают горы.

Как бы то ни было, Барал-Гур идеально укрепила сама природа. Пехота, вооруженная автоматами, еще могла преодолеть пропасть по узеньким, почти незаметным тропинкам. Но на той стороне ее ожидали многие сотни метров колючей проволоки, минные поля и замаскированные, окованные бетоном пулеметные гнезда. У ворот Барал-Гура стояла гвардия Чертога Блаженств.

Андрей знал, что если война на Дархае не закончится в ближайшие сутки, то «полосатые» получат подкрепление: новые десятки «Саламандр», а возможно, и кое-что похлеще. Время текло в пропасть. Оно работало на Империю.

После беседы с послом Хаджибуллой Любимый и Родион тоже понимал это. Он не вполне уяснил значение несколько раз употребленного собеседником слова «квота», по одно уразумел твердо: через сутки отчаянные призывы Бессмертного Владыки будут услышаны его Большими Друзьями. Борьба затянется, а страна и так на пределе. Короче говоря, пропасть следовало форсировать, а возможностей для этого даже здесь, в самом узком ее

месте, не было. Сквозь болота и горы прошла пехота, три легких танка и «тристасороковка» Андрея Аршакуни. Саперы подоспеют через неделю. Если подоспеют вообще.

Когда-то, в училище, курсант Аршакуни мечтал о подвигах. Таких, чтобы все окружающие — по крайней мере, посвященные в тайну его службы, — уважительно хмыкали, услышав имя Андрея. К последнему курсу мечты развеялись. «Война есть взаимодействие тактических единиц, образующих единое стратегическое целое», — это аксиома, а с аксиомами не спорят. Но сегодня подвиг был близок. Если бы каким-то чудом «тристасороковка» смогла перенестись на тот край провала, ворота Барал-Гура были бы вскрыты. Даже самая мощная имперская артиллерия не помешала бы лейтенанту Аршакуни раскромсать вдоль и поперек укрепленный район и проложить дорогу отборным ченгам

— дивизиям друга Юх Джугая.

Андрею было досадно до слез: «тристасороковка» могла многое, но летать она не умела. Знал об этом и Вождь. Но десять ченгов, сто тысяч борцов терпеливо ждали приказа. В отличие от Вождя борцы не сомневались ни в чем. Светоносно озаривший поля сражений полководческий гений Любимого и Родного не мог не указать единственно верный путь.

Внезапно, раздвинув первую шеренгу борцов, к краю пропасти подошел дряхлый старик в истрепанной накидке монаха. Выцветшими глазами посмотрел он на Любимого и Родного и негромко проговорил:

— Но и так еще завещал Хото-Арджанг: придет день, когда плоть и кровь верящих снимут заклятье с пропасти!

Слова еще звучали, а старик уже исчез, словно его и не было...

С криком: «Дан-дай-дао-ду!» ченги двинулись к обрыву. Они шагали в пустоту, как стояли, — рядами, повзводно, вместе с десятниками, сотниками, птицами токов на багровых деревьях. Только автоматы оставались там, где только что стояли борцы, — оружие пригодится сыновьям. И еще не шли вперед командиры, начиная с кайченгов, потому что они были обучены руководить, а еще девять лет назад Любимый и Родной сказал: «Без командиров не решить ничего!»

Каждый, проходивший мимо Вождя, смотрел на него с любовью и восторгом. Любимый и Родной пытался поймать все взгляды, ответить на последние невысказанные слова — и борцы исчезали, улыбаясь.

Нагромождение тел росло слой за слоем. Пропасти уже почти не было, когда в абсолютной тишине А Ладжок произнес:

— Смотри, Далекий Брат: идеи квэхва двигают горы!

Любимый и Родной обнял Ладжока за худенькие плечи. Он не сказал ни слова, но юный даоченг ощутил биение жаркого сердца Вождя и понял вдруг, ясно и неотвратимо, безусловно и навсегда, что отныне Любимый и Родной верит ему, как одному из самых первых своих учеников, тех, кого уже не осталось в живых.

— Далекий Брат, — Юх Джугай неотрывно смотрел в глаза Андрею. — Нет больше преград перед Армией Свободы. Впереди Барал-Гур. Не медли ни минуты!

Преграды действительно не было. Люди уже не падали, они просто укладывались — кто вверх лицом, кто вниз. Андрей протер глаза, но страшный мираж не рассеялся: живой мост шевелился. Время от времени кто-то из первого слоя сдавленно кричал: «Дай-дан-дао-ду!».

— Не медли же!

Андрей на секунду представил, как воздушная подушка «Т-340» превратит в бесформенное месиво этих кричащих, копошащихся, устраивающихся поудобнее людей. Стало жутко. Он попытался что-то сказать, но Вождь уже шел к людям. Перед тем, как лечь рядом с ними, среди них, он обернулся:

— Миньтаученг А Ладжок! Ты ворвешься в Барал-Гур на броне. Исполни приказ!

Ладжок мученически скривился, негнуцимыми пальцами достал пистолет и, уперев ствол в спину остолбеневшему Андрею, прошипел:

— Пошли, Далекий Брат! Ченги ждут...

И действительно, три оставшихся ченга были готовы к атаке. Андрей почти упал на ставшее жестким сиденье и, не открывая глаз, включил двигатель. Мотор ровно заурчал...

ОМГА сообщает:

...Магистр медицины и гомеопатии ди Монтекассино утверждает: «Только плод ла вернет вам молодость и здоровье!»

...Конференция по проблемам использования боэция возобновила работу. На повестке дня — обсуждение пакета предложений по организации совместных разработок.

...Группа «Мнемос» опубликовала в центральных газетах ЕГС манифест-декларацию, где утверждает, что только последовательная депортация нежелательных элементов может способствовать появлению «нового человека».

...Дальнейшее развитие получают идеи национального примирения на планете Дархай. Теперь оно пришло и в древний город Барал-Гур...

7

Дархай. Барал-Гур.

11 день 9 месяца 1147 года Оранжевой Эры.

Люди бегут по разным причинам: кто-то от инфаркта, кто-то от неразделенной любви, кто-то от врагов, а иные только делают вид, что убегают.

Прославленная мозаика Высшего Чертога была разбита вдребезги, и радужные осколки смальты хрустели под рифлеными подошвами сапог...

Проснись Хото-Арджанг в своем хрустальном покое на Белой Вершине, он посмеялся бы над возней пигмеев, суесящихся на узеньких улочках священного города. Тысячи вчера еще благообразных сановников, жрецов, знахарей бестолково метались, выволакивая из домов набитые чемоданы и тут же бросали их, словно только сейчас сообразив, что рухлядь, вынесенная на улицы, потеряла всякую цену. Подлинной ценностью была ныне только жизнь, да и та стоила совсем недорого. Единственными настоящими мужчинами в Барал-Гуре оказались евнухи Чертога Блаженств. Они были первыми, кто вспомнил, что в городе есть еще более слабые существа...

Большие Друзья укладывали вещи, не торопясь. Посадка в космолет была назначена на 16:00 — по твердому Галактическому времени. После гибели «Саламандр» танкисты собрались здесь и отдыхали, наблюдая за дракой со стороны. Но отдых приходилось прервать. Оранжевая Эра закончилась. В этом суетном мирке Большие Друзья не оставляли ничего, кроме разлетевшихся в прах иллюзии. Все остальное было плотно упаковано в рюкзаки или сожжено, как приказал коммодор Мураками. По глянцевому полу офицерской гостиницы ветер полоскал сажу — все, что осталось от томиков лирических стихов, дневников, писем и фотографий. Свои бумаги Большие Друзья побрезговали сжигать на общем костре во дворе Имперской Канцелярии.

Разнося грязь пришлепывающими мягкими туфлями, по номерам метался безбородый, оплывший, как старая набивная кукла, Блюститель Лона. Непривычно изображая униженную улыбку, он жалобно просил господ офицеров уделить несколько минут для разговора. Евнуха гнали. Он возвращался.

— Всемилостивейший господин Большой Друг, — захлебываясь, шелестел Блюститель. — Это ведь совсем дети, вы же знаете, что с ними будет... В Ваших глазах я вижу сияние истинного благородства! И в Ваших! И в Ваших! Господа офицеры, я прошу не о себе, мне терять нечего, но спасите этих девочек... Клянусь лоном Кесао-Лату, вы не пожалеете... ведь вы можете взять хотя бы по одной к себе в каюты...

Когда перед ним захлопывали дверь, он горестно всплескивал пухлыми холеными руками, всхлипывал и тихонько скребся в следующую:

— Господа офицеры...

Серебристые змеи Священного Сада изнемогали.

С давних времен те из Оранжевых, чей жизненный путь оказался ошибочным, приходили к ним и, сотворив молитву, протягивали руку для поцелуя. Сегодня на молитвы времени не было. Мог ли представить себе хотя бы один из тех надменных и гордых, кто шаг за шагом приближался к резным воротам Сада, что когда-нибудь он будет стоять — в очереди! — за смертью?

Змеи выполняли долг до конца. Самые молодые из них, с зеленоватыми животами, уже лежали на песке вольера, конвульсивно вздрагивая. Высоко-высоко, выше храмов, кружились хищноклювые птицы, доселе невиданные в Карал-Гуре. Они бесстрастно поглядывали на еще живую добычу, пирующую среди добычи, уже готовой.

Допив рубиновый сок ла, те, у которых хватало воли уйти достойно, отбрасывали чаши и, подбирая полы оранжевых накидок, спешили к змеиным вольерам...

Коммодор Мураками ерошил белокурый «ежик», напалзающий на лоб. Доклад, который предстоит сделать на Гее-Элефтере, писался против ожидания легко. Вспомогательный танковый корпус Демократической Конфедерации Галактики сделал в этой войне все, что мог, а может, даже и больше. Коммодору не давалась лишь последняя фраза — мешал назойливый Хранитель Чертога. Глядя на его трясущийся подбородок, Мураками неожиданно пожалел, что не располагает правом пороть подданных императора.

— Но коммодор! Вы же понимаете, что император...

— Ваш император получил в свое распоряжение две каюты «люкс», и мне безразлично, какой

дряню он собирается их забить.

— Да вы понимаете, сколько стоит эта коллекция пилочек для ногтей?! Сорок тысяч уникальных экземпляров!

— Я не могу разместить людей, любезный, а вы говорите о пилочках. Посмотрите, что творится!

Хранитель Чертога усмехнулся, даже не поглядев на вопящую за окном толпу.

— Разве это люди? Что они рядом с коллекцией императора?!

— Знаете что? — Мураками стал необыкновенно вежлив. — А не запихать ли вам, дружище, все сорок тысяч пилочек в задницу своему императору?! Вон!!!

Несколько успокоившись, коммодор дописал наконец последнюю фразу: «...таким образом, в силу объективных причин эффективность действий особого танкового корпуса оказалась ниже предполагаемой». Поставив число и подпись, Мураками усмехнулся, подумав, что после подобного отчета пра-прадедушка, вполне вероятно, совершил бы харакири...

Начальник Генштаба не знал, что такое харакири.

Зато у него был зеленый паучок каюй-тюи. Редкая честь! Завидная привилегия! В крохотной лаковой шкатулке обитало бесценное наследие предков — нежное, изящное, хрупкое, как невинность первого поцелуя на заре. Ни в чем не виня себя, несостоявшийся губернатор Пао-Туна готовился замкнуть цепь благородных предков и слиться в заоблачном единстве с теми, кто некогда нянчил его.

Маршал подошел к зеркалу, огладил новенький китель, недрогнувшей рукой провел по орденам и уже собрался пройти к алтарю, как вдруг зазвонил телефон.

— Мой маршал, ваша мужественность! — голос секретаря Генштаба звенел победными трубами. — Вам предоставлена отдельная каюта!

— Каюта?

— Да, а остальные шестнадцать Высших удовлетворятся койками в грузовых отсеках!

Маршал спокойно повесил трубку. Почти тотчас же телефон зазвонил снова, но начальник Генштаба его уже не слышал. Впустить каюй-тюи в ухо оказалось очень не простым делом. Предки со старых портретов насмешливо следили за маршалом...

Мураками нахмурился.

— Субалтерн О'Хара, вы понимаете, какую чушь несете?

— Так точно, коммодор.

— Вы что же, полагаете себя лучше своих товарищей?

— Никак нет, коммодор.

— Вы, видимо, считаете, что все мы трусы, раз покидаем эту проклятую планету? А знаете ли вы, что ваши товарищи, которым вы плюете в лицо, отдали все свои каюты девушкам из

гарема этого бессмертного... подонка?

Джимми молчал. Для себя он уже решил все. Звери идут в Барал-Гур, и их надо остановить. Если они прошли по своим, замостив ими пропасть, то что же будет здесь?! Ребята молодцы, они сделали, что могли, сорок девять девчушек — это немало. Но каждому свое.

— Так какого черта, субалтерн О'Хара? — коммодор Мураками осекся, встретившись взглядом с субалтерном.

— Простите, сэр. Я все обдумал.

Узенькие голубые глаза сощурились до отказа, напомнив бритву.

— Тогда... иди, парень. И да будет с тобою Бог.

Когда дверь закрылась, тренированный кулак Мураками сокрушил в синюю пыль антикварную статуэтку Хото-Арджанга, и на книжных полках тоненько зазвенели срезанные на память храмовые бубенцы.

— Пррррроклатье!..

Шесть тысяч гвардейцев Чертога стояли до последнего. Андрей не мог представить себе, что эти шакалы смогут так сражаться. Когда какой-то безумно вопящий «полосатик» подорвал себя и весь боекомплект смятого дота под днищем «тристасороковки», Андрей даже не понял, что произошло. И лишь оказавшись в гуще резни, по-научному именуемой «рукопашная», он осознал, что случилось невероятное и оранжевые своими кустарными средствами вывели из дела тяжелый танк. Вокруг было страшно. Воздух рвался от воя. Человеческие клубки хрипели и разматывались на скользком граните Дворцовой Площади.

Передовые отряды ченга, пытавшиеся прорваться к царящей над площадью башне, были испелены хлесткой струей огнемета. Черные тени в оранжевой корке огня с визгом бежали к бассейнам и, не добежав, рассыпались на глазах. А ведь это были братья тех, кто сегодня на рассвете лег под «тристасороковку». Лег во имя того, чтобы наступила вот эта минута. Так неужели же все жертвы — даром? Нет! Ничто не было зря. Он в долгу перед ними, перед Вождем!

Хрипло выкрикивая: «Дай-дан-дао-ду!», борец Аршакуни метнулся к башне. Четко, как в спортзале училища, раскидав гвардейцев, он выхватил еще теплый автомат и рванул вверх по осклизлым ступеням...

Джимми не успел разглядеть высокого парня в пятнистом комбинезоне, ворвавшегося на верхний ярус башни. Он развернул на турели тяжелую установку не целясь, на звук. Пятнистый сгорел мгновенно, без крика. Джимми секундно ощутил сладкий запах паленого мяса — и снова вывернул огнемет к амбразуре.

Снаружи шум боя несколько стих. Передышка. И все-таки теперь приходилось быть вдвойне настороже: зияющий проход за спиной угрожал опасностью. В горстке золы, лежащей на пороге, Джимми внезапно заметил что-то блестящее. Вещица, уцелевшая в таком огне, вполне заслуживала особого внимания. Перебрасывая с ладони на ладонь еще не остывший медальон на цепочке, Джимми понял, почему тот уцелел. Тантал не плавится. Но откуда тантал на Дархае? Впрочем, эту самоделку Джеймс О'Хара узнал бы среди сотен тысяч других значков, эмблем и медальонов, украшающих армию верных болельщиков «Челесты».

Джимми скинул полосатый китель и накрыл обугленные останки.

Он еще пытался вспомнить, куда же задевался сине-голубой значок «Черноморца», когда шальной осколок, срикошетив от края амбразуры, превратил голову субалтерна Джеймса Патрика О'Хара в бесформенный обрубок...

Миньтаученг А Ладжок благоговейно склонился над полуголым телом человека, зажавшего в руке хорошо знакомую юному командиру вещицу.

— Доставить прах героя в Пао-Тун. Далекий Брат Андрей Аршакуни навсегда останется с нами. А это, — Ладжок слегка поморщился, взглянув на кучу золы под изорванным полосатым мундиром, — убрать!

— Будет исполнено, брат миньтаученг! — старательно вытянулся почерневший от копоти борец. И несмело добавил: — Любимый и Родной!

ОМГА сообщает:

...Теперь точно известно: в финале Кубка встречаются одесский «Черноморец» и «Челеста», сумевшая взять реванш у новобатумского «Реала». «Да, мы совершили чудо», — сказал в интервью ОМГА старший тренер «Челесты» Веско Лобанович.

...Успехом завершилась Общегалактическая Конференция по проблемам использования боэция, проходившая в Порт-Робеспьере на Гедоне-2. Подписан заключительный документ, регламентирующий паритетные разработки боэция на Дархае. Преимущественное право вывоза сохраняется за Единым Галактическим Союзом.

...Поступил в продажу сборник «Идеи квэхва живут побеждая» видного дархайского политика Юх Джугая, трагически погибшего в автомобильной катастрофе...

...Резкое похолодание вызвало обильные снегопады на срединном хребте южной полярной шапки Эридана. В результате схода лавины пропали без вести два астрофизика из персонала международной обсерватории «Братство». Поиски Андрея Аршакуни и Джеймса О'Хара продолжаются.

8

Единый Дархай. Юх-Джугай-Тун.

1 день 8 года Единства.

(Справка: 28 день 11 месяца 12 года Свободы. Устар.)

— Соотечественники и соотечественницы!

Граждане Единого Дархая!

Бурный океан светлой радости переполняет наши сердца сегодня, в славную годовщину великого воссоединения! Семь лет, как в наших рядах нет моего верного и преданного соратника, испытанного борца, брата Юх Джугая. И сейчас, как и семь лет назад, здесь, в непоколебимом городе Юх-Джугай-Туне, гордо несущем это неугасимое имя, над могилой моего близкого друга я могу снова повторить клятву: «Брат, спи спокойно! Ростки идей квэхва

пустили надежные корни на многострадальной земле Дархая. Они цветут пышным цветом — и нет такой силы во всей Вселенной, которая могла бы погубить их и свернуть мой и твой народ с избранного пути!» Дай-дан-дао-ду!

Толпа всколыхнулась. В сплошном, перекатываемом из конца в конец площади реве нельзя было разобрать слов. Высоко над людьми, обеими руками упершись в отполированный мрамор парапета, стоял Вождь. Мохнатые облака плыли в небе, а тем, кто стоял на площади, задрав головы, казалось, что это сам Любимый и Родной плывет сквозь облака, рассекая их, словно острогрудая птица токон.

В ложе для почетных гостей заметно пополневший дон Мигель, сохраняя невозмутимую серьезность, едва заметно подтолкнул коллегу Хаджибуллу:

— Взгляните!

Над морем людских голов ряли транспаранты: «Пусть вечно живет Любимый и Родной Вождь-творец идей квэхва!», «За А Ладжоком всегда!», «Да славится в веках великая Армия Единства А Ладжока — Юх Джугая!» Гораздо реже упоминались другие имена.

Коллега Хаджибулла смущенно пожал плечами. А голос асе звенел в неизмеримой высоте над площадью.

— Не счесть всех тех простых дархайцев, чьи тела легли фундаментом торжества идея Единства, победоносных идей квэхва. Нам не дано узнать все эти скромные имена. Они мертвы. Они вечно живы! Но мы знаем имя того, кто пришел к нам с открытой душой и стал одним из нас, отдав жизнь свою на благо Единого Дархая. Брат Андрей Аршакуни! Как сейчас, вижу я твое прекрасное лицо. Вместе с тобой, плечом к плечу, ворвались мы на грозном танке в последний оплот нечистой Империи. Сегодня там, — в голосе Вождя промелькнуло легкое смущение, — в Барал-А-Ладжоке, прекраснейший из проспектов назван твоим именем. И там, под баньянами, где некогда стояли поганые храмы, гуляет твой дух. Но тело твое здесь, в городе, который ты знал как Пао-Тун. Мы не благодарим тебя: братьев не благодарят. Мы склоняемся перед тобой. Дай-дан-дао-ду!

На несколько секунд толпа преклонила колени. В самой середине площади парни в пятнистых комбинезонах слаженным хором проскандировали: «Андрей Аршакуни вечно с нами!».

— Но не все, пришедшие из-за облаков, стали друзьями Дархая, Андрей. Мне больно и горько говорить об этом в светлый день всенародного праздника, но не сказать нельзя! Воспользовавшись традиционным добродушием и гостеприимством лунгов, купив на корню прогнившую насквозь империю, люди, внешне похожие на тебя, тянули руки к богатствам нашей земли. Терпение истекло! Сегодня мы достаточно сильны, чтобы покончить с унижительным присутствием пресловутой Демократической Конфедерации Галактики под небом Дархая. Я говорю: «Вон!» двуличному подонку! — палец вождя указал на дону Мигеля. — Я счастлив и горд тем, дорогие сограждане, что могу сообщить вам решение Высшего Совета Равных о разрыве отношений с этими мерзавцами!

Дона Мигеля изъяли с трибуны почти незаметно, а ошарашенный коллега Хаджибулла спустя минуту услышал:

— Наша страна уже не ребенок. Да, воспитателей следует чтить, но наступает возраст зрелости и опека становится обременительной. Не хватит слов, чтобы выразить благодарность братьям из Единого Галактического Союза. Они помогли нам добиться единства. Они были рядом, когда на месте кузниц вставали заводы. Они учили нас искать дорогу в небо. Теперь Дархай подрос. Вы слышите? Как и во все дни, режут экскаваторы в карьере «Заветы Аршакуни». Но с сегодняшнего дня они работают уже на нас! Дархай

никогда не был — и не будет! — бедным родственником! Мы говорим: «Спасибо!» Единому Галактическому Союзу. Мы говорим: «Спасибо!» его послу, брату Хаджибулле. И мы сожалеем о том, что здоровье нашего верного друга подорвано туманами Дархая. В добрый путь, брат!

Пятнистые молодцы, неслышно возникшие из глубины почетной ложи, накинули на шею Хаджибулле оранжевую ленту Заслуг и под локотки, нежно, вывели его прочь. Так посол узнал о том, что его отзывают.

В центре площади те же парни в комбинезонах громко и скучно прокричали: «Счастливого пути, милый брат Хаджибулла!»

— Сегодня славный день. Пришло время сорвать все личины и разбить все фальшивые бубенцы. Скорбя, должен сообщить вам о нескольких ничтожных ублюдках, гнилостных вшах в сияющем оперении птицы токон. Кто из вас не слышал смутных слухов о мерзавцах, именовавших себя «Сыновьями Свободы»? Они изловлены и наказаны. Но за спиной ублюдков стояли иные! Допрос поставил все на свои места. Омерзительная банда в честных пятнистых мундирах с омерзительной «полосатой» подкладкой, сумевшая пробраться на командные посты в Армию Единства, внедрившая своих прихлебателей повсюду, встанет сегодня перед лицом народа. Их имена известны страже. Сорвите с них нашивки!

По трибуне — слева и справа — пробежала короткая судорога. Ловкие руки охранников мгновенно скрутили полтора десятка человек, окружавших А Ладжока, и Вождь остался на трибуне один. Внизу, в скопище людей, растворились без следа транспаранты с иными именами.

— Смотрите же на их шакалий оскал! Это они предали и убили моего любимого солдата, бессмертного героя Ту Самая. Это они погубили Юх Джугая, моего верного и доброго друга. Они подстроили гибель моему Далекому Брату Андрею Аршакуни. Они покусились на идеи квэва, на нашу единственную дорогу! Беглый пес-император мог смело рассчитывать на их грязные лапы. Но Око Единства не дремлет!

Никто из вопивших во всю глотку «Дай-дан-дао-ду!», никто из глядящих, задрав голову, на Вождя не обращал внимания на худенького очкастого человека, державшегося в подчеркнутом отдалении от Любимого и Родного, на самом краешке трибуны.

— Наша сила, наше будущее — это молодежь. И потому лучшей ученице образцовой школы имени Далекоего Брата, маленькому знатоку больших идей квэхва Тиньтинь Те я, от имени всех вас, братья и сестры мои, доверяю размазать по священным камням Юх-Джугай-Туна этих нелюдей!

Кто-то невидимый подал Вождю миниатюрную девчушку. Запечатлев на чистом лобике братский поцелуй, Любимый и Родной осторожно опустил Тиньтинь Те. На ходу одергивая строгую форму отличницы с белыми нашивками звеньевой, девочка четко спустилась с поднебесья.

Танк, замерший в треугольнике величественных монументов, приветливо распахнул люк. Изваяния смотрели на девочку. Простое, мужественное, по-крестьянски скуластое лицо Ту Самая. Вдохновенный лик Юх Джугая, исполненный благородства и веры. Резкие, четко очерченные, не дархайские черты Андрея Аршакуни — или же все-таки Джеймса О'Хара? Они ни капли не походили друг на друга, но все трое чем-то неуловимо напоминали Вождя.

Растерянные люди в чистеньких комбинезонах со свежееборванными нашивками миньтаученгов первого и второго разрядов покорно укладывались перед танком. Рев толпы перекрывал рокот двигателя:

— Дай-дан-дао-ду!

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ОТРЫВКОВ ИЗ «ОБЩИХ РАССУЖДЕНИЙ»

(продолжение пролога, а возможно, и начало эпилога)

Да-с, дети мои...

В наше время, как, впрочем, и во все времена, в стаде господнем встречались и агнцы, и козлища. Причем, значительно чаще, чем хотелось бы (во всяком случае — мне, пастырю), попадались как раз последние. Хотя и то сказать... спроси эдакое козлище: «Кто еси?», ответить станет без сомнения: «Агнец божий есмь!». И задумаешься, при нынешнем-то плюрализме: а может, и оно, козлище злосчастное, по-своему право?

Печальные события на планете Дархай уязвили скорбю мою и без того смятенную душу. И вдвойне прегорестно оттого, что кровь, пролитая по злему недомыслию сильных мира сего и их присных, под бойкими перьями репортеров из ОМГА превращалась в лимонад. И тройне больно не столько потому, что двое пылких юношей, павших в бессмысленной схватке, остались в глазах Галактики безымянными астрофизиками, сколько от мерзостного сознания, что о миллионах погибших дархайских душ так и не узнала бездумно-доверчивая аудитория ОМГА.

Один лишь я в энциклике «De mortuis...» попытался затронуть эти вопросы. Но вы же знаете нашу систему: мои послания редко проходят мимо цензуры. То «преждевременно, ваше святейшество», то «после драки кулаками не машут», то «вопрос вентилируется», то «проблема закрыта». Вот и на этот раз магистр Джанбатиста прочитал и вместо обычной сестрички с одноразовым шприцем срочно вызвал двух улыбчивых и на диво компетентных представителей неких организаций. Около трех часов они наперебой домогались признания, откуда мне все это известно. Я же кротко повторял: «От Господа Бога, дети мои, от Господа Бога». Так по сей день и не пойму, кто из нас был более здрав рассудком.

А жизнь шла своим чередом. Сын был единосущен отцу, аллах оставался «акбар», и «ом мани», вопреки всему, пребывало «падме хум». Но однажды с Дархая мне пришла посылка. В черном ящике покоился портрет совсем молоденького мальчика но имени А Ладжок и письмо, состоящее из трех пунктов. Первый извещал, что Бога нет, а есть Железный Вождь А. Второй подчеркивал стальную волю упомянутого привести свой народ в рай (непонятно только, в чей именно). Третий же настоятельно рекомендовал мне бросить все и молиться за торжество идей квэхва. Взамен обещали пайку ла трижды в день. На портрете было начертано коряво и, видимо, собственноручно: «ПРИКАЗЫВАЮ ВАМ ДОЛГО ЖИТЬ. ЛЮБИМЫЙ И РОДНОЙ». К сожалению, из-за размеров портрета повесить его на стенку не удалось.

Если не ошибаюсь, аналогичные подарки получили и лидеры сверхдержав, а получив, задумались, а подумав, решили, что старые доктрины нужно ломать. Ну и естественно, строить новые. Сатангам добавилось работы. После долгих и утомительных консультаций было решено действительно распустить армии. А там, очень может быть, и от оружия удастся избавиться, благо, имелись некоторые соображения на сей счет. Доблестные стратеги наши и тактики покорились, но не думаю, чтобы смирились; во всяком случае, возникла масса ворчливых ассоциаций... Хотя Господь свидетель, что на размеры пенсионера жаловаться ни тактики, ни стратеги не могли.

Люди же, в высокой политике не искушенные, веселились. От добра они искали добра, и еще добра, и еще. И всегда находились услужливые доброжелатели, готовые за вполне умеренную мзду предоставить все мыслимые и даже немислимые блага. По традиции их называли «мафиози», но вряд ли справедливо, по-моему. Ведь сказать, что распоясалась

именно мафия, значит ничего не сказать. Иногда трудно было уже понять, кто клиент, кто поставщик, и чем они разнятся с профессиональными

ч

ик

о . Мало-мальски разбирались в этом разве что в «Мегаполе», но не успевали рассказать из-за печальной, но для их работы вполне естественной текучести кадров.

Пресса нагнала беспредельно. В один прекрасный день нахальный юнец-щелкопер дошел до того, что прорвался на Авиньон и, не получив аудиенции у меня (а с какой стати?), обратился к почтеннейшему Джанбатисте, после чего тиснул гнусную статейку: «Да,

О н

б

ез

ум

ен ,

— говорит магистр». Я, конечно, предал его анафеме. А что мне, товарищи, оставалось делать?

Но кого в те дни пугала анафема? Люди отвернулись от неба, и самыми уважаемыми фигурами в обществе стали затейники. Да-да, эти шуты гороховые! И, бездумно хохоча, человечество отвернулось от пастырской проповеди, бесчинствуя на гала-концертах...

Правда, изредка и в этом бедламе находились люди, пытавшиеся мало-мальски мыслить. Я имею в виду не клир (это его долг) и неполитиков (это их работа), а ученых. Именно так. В конце концов, я, разумеется, клерикал, но не обскурант, и идеалы пресвятого Франциска близки мне так же, как идеи Джордано Бруно. Сжечь — не значит опровергнуть! Но что могли ученые? Ими пользовались, как хотели. И при этом, естественно, приказывали не лезть не в свои дела.

Итак, юдоль печали веселилась.

Мне же оставалось лишь молиться...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПЛОДЫ ЛА

1

О Господи Боже мой. Творец и Вседержитель!

К тебе взываю и к стопам твоим припадаю со скорбью, и ужасом, и отчаянием, и страхом, и болью за паству свою. Грозен Ты, и воистину страшнее многого страха равнодушие твое. Но не взыщи, и воззри на тварный мир, иже создан не по минутной прихоти, но Твоею же волей, и оттого уже достоин милости высшей; воззри и ужаснись веселию, царящему в человецех, ибо не в великом ли веселии, истоки великих печалей?

Рассказывает Аркаша Топтунов, затейник, 67 лет.

Гражданин Единого Галактического Союза.

2 июля 2115 г. по Галактическому исчислению.

Если вы думаете, что у импресарио жизнь — малина, так вы уже попали не туда; Аркаша Топтунов знает, что говорит. Тот мальчик с бульвара, что был раньше, стал уже большой, и его на мякине не проведешь. Нет хороших сезонов, нет хорошей публики и плохой публики, а есть люди, которые хотят зрелище, и они-таки имеют полное право его получить. А кто может сделать зрелище? Угадали, Аркаша! Хорошо, хорошо, я понимаю: новое время, новые моды, так было всегда и никакая молодежь не желает кушать булку без масла. Но скажите, кто нашел Ози Гутелли? А? Кем она была и что из нее стало?! А я еще помню, что ей кричали на первых концертах, и бедная девочка плакала в уборной. Не верите — спросите у самой Ози, только не забудьте сказать, что от Аркаши.

Да, конечно, я не тот, что был позавчера, и это уже факт. Сердце, печенка, пятое-десятое, и пусть у ваших врагов будет столько рецептов, сколько я сдаю в макулатуру. Но по утрам, на балконе, я смотрю на свой город и думаю: «Аркаша, неужели эта красота останется без зрелища?», а город тихо шепчет мне «Нет», и я опять тяну этот клятый воз, хотя то, что у меня есть, хватит на три остатка такой жизни, какую я имею.

И не надо, я вас очень прошу, мне говорить, что такое Земля, я лучше вас знаю: Земля — это Земля, и на Земле трудно кого-то чем-то удивить. Но этот жонглер был-таки клубничкой; «Ой, Аркаша, это что-то с чем-то», — вот что сказал я себе, когда узнал про вонючую планетку с дефективным названием — пусть те, кто там живет, его и выговаривают, меня это не касается. Мне нужно другое: чтобы было много и хорошо. А что такое хорошо? А хорошо это интересно!

...Эти картинки попались мне на глаза не будем говорить, где. Ну ладно, в моем клозете. Я еще подумал: «Откуда тут листовки?». Нет, я понимаю, на Земле листовки висят везде, но клозет — это же, простите, храм души, тут надо сидеть и тихо думать, и никаких дел. Но когда Аркаша увидел те фотографии... разве я мог уже думать тихо? Вы бы видели! — мальчики в бело-красном, и что эти мальчики вытворяли с мечами, луками и прочей дребеденью! И Топтунов сделал все, чтобы Земля это увидела.

Когда-то один наивный маленький мальчик, не будем называть имя, так вот, если этот мальчик хотел чего-то иметь, то бегал за солидными людьми по пятам и уговаривал выступить. Теперь я никуда ни за кем не бегаю; бегают за мной. Топтунов дал телекс — и эти дикие люди вообще озверели от восторга. Их Управление Культуры, или как это там называется, сразу сказало: «Да!», и предложило сто, нет — двести, нет — пятьсот солистов! Но во всем нужна мера, особенно в новинках. Я взял одного на пробу.

Скажите, вы бывали когда-нибудь в районе Семипалатинска? Чудный пейзажик, одни сплошные тюльпаны. На космодроме я был тоже один, в смысле

— один встречающий, зато приезжих — как в Одессе летом, но даже в Одессе летом нет столько людей с планеты Дархай. Видите? — вспомнил. Я стоял и собирался узнать своего артиста сразу, чтобы все было без нервотрепки, потому что люди искусства — очень тонкие люди, и чуть что начинаются срывы; вот помню, когда я еще работал с Ози, так девочка

хотела, чтобы я делал то-се, и я — таки делал, и Ози хоть сейчас скажет, что Аркаша ей друг, хотя теперь она уже даже и не Аркашин уровень.

Но как, скажите, ради бога, я мог его узнать, если все они одинаково запакованы? Какие-то пятнистые балахоны, какие-то значки, почти без багажа, зато строим. Нет, вы представьте себе: по трапу — строим, с песней! — это было уже зрелище, и его никто, кроме меня не видел. И я узнал его, потому что у меня опыт, а еще потому что на нем не было ничего пятнистого, а все, как на буклете: белые шаровары с красной вышивкой и красное с белым пончо. Стюард шел за ним и помогал нести рюкзак. Извините, я сказал: «Рюкзак?» Не слушайте, я ошибся, это был слон, может, даже два! Мы втроем едва загрузили этот мешочек в мой флаер... Всю дорогу мальчик молчал, я подумал сначала, что он вообще не умеет разговаривать, но когда приземлились, он сделал-таки одолжение и сказал: «Лон Сарджо». Спасибо, я должен был догадываться, что это его так зовут.

В офисе перед ним положили контракт. Можете поверить, что половина моей жизни ушла на эти контракты, и половина моих болячек тоже от них, потому что очень трудно уговаривать дебютантов, какие это прекрасные условия. А этот подписал не глядя, и я пожалел, что не понизил сумму гонорара еще процентов на тридцать. У парнишки с собой была программа выступлений, на хорошей бумаге, с цветными иллюстрациями, и с первого взгляда я понял: это то, что нужно.

Он отдохнул и поел. Потом я предложил прогуляться по городу. Мы шли по улицам, и я думал: «Люди, люди, вы сегодня не смотрите на меня, и это ваше дело, но зря вы не смотрите на этого мальчика, потому что завтра это бесплатно уже не получится». Пусть я повторяюсь, но я-таки очень сильно люблю свой город. Эти краски, эта суэта с шумом — это все для меня, как вода для рыбы. Мы шли по Ришельевской. Я не знаю, кто такой этот Ришельевский, но, кажется, он кто-то когда-то был и был хорошо, потому что до сих пор такая улица названа его именем. Малыш просто очумел: я не мог оторвать его ни от одной витрины. Не подумайте, что он все хотел купить, нет, он просто смотрел, но как смотрел! — мы так смотреть уже не умеем. Потом он все-таки успокоился и впервые поглядел на меня.

— У вас большие пункты равенства.

Вы себе представить не можете, как он это сказал. Как будто там у него магазины еще лучше! Тут же он добавил:

— Но роскошь — это плохо! — и больше на витрины не оглядывался.

Мальчик был шустрый и совсем не жалел мои больные ноги, он почти что тянул меня за руку. Когда мы дошли до спуска, знаете, около музея Леандра Верлу, я встал, как статуя, и сказал:

— Нет, дитя мое, Аркаша дальше не пойдет.

И мы зашли в «Ротонду». Ой, что там начало твориться, когда богемка увидела Аркашу... Содом и Гоморра! Топтунов между ними — это ж, может быть, контракт, а контракт Топтунова — уже не какая-нибудь путевка в жизнь, а вагон-экстра.

Когда бармен отогнал их от меня, я сказал:

— Здравствуйте, дети. Аркаша хочет тишины и кофе.

Первый концерт — большое дело, и никакое сердце тут не помеха. Стало тихо, и две чашечки кофе. Лончик сидел, как скушав аршин, и пил кофе маленькими глотками. Да, я же забыл: пару слов о нем. Что вам сказать, мальчик-красавчик, совсем как этот, что стоит на бульваре. Девки не сводили с него глаз, прямо как когда-то с меня. Но тут оказалась выдержка, совсем не та, что была у Аркаши; он даже глазом не повел. То есть повел, но не по ним, а по стенам.

Потом повернулся ко мне и спросил:

— А где же Вождь?

— Кто? — удивился я.

— Вождь один. Вождь, несущий благо.

— А-а, бармен! Тебе что-то принести, Лончик?

Какой это был взгляд! Меня хотели съесть. Но все же не съели, и Лон снова спросил:

— Почему эти сестры на меня так смотрят?

Я сказал ему — он ведь уже взрослый, сам зарабатывает, и должен все знать, если еще не знает. Мальчик брезгливо сощурился («Какая прелесть, — подумал я, — он еще ничего и не нюхал»):

— Это нельзя. Придет день, и я войду в Дом Возмужания. Сегодня — труд.

Ну и мальчик, ну и планета, ну и вождь! — этого я, конечно, не сказал, но хорошо подумал. Когда мы вышли на улицу, он сказал только одно слово:

— Гниль!

Надеюсь, не про меня.

Кто был в Одессе, знает, что от «Ротонды» до «Одеона» недалеко. В Малом Зеркальном нас уже ждали смотреть: раз Аркаша привез, значит, это — вещь. Но Лончик махнул рукой — и все ушли, кроме меня, конечно. И рюкзачок тоже оставили.

Сначала появились мечи, потом еще что-то, и вот — много мальчиков уже вооружены, готовы и смотрят на меня с зеркал. Кто видел это, тот не забудет никогда, как не забуду этого я. Представляете: статуэтка, глаза прищурены, лицо окаменело, плечи откинута. Все не двигается, только губы шевелятся: «Дай. Дан. Дао. Ду». Я понял, что перебивать не надо.

И тут же — вы знаете, что такое смерч? — так мальчик в него превратился. Ой, как сверкали эти железки, как они свистели! Никто не сунул бы туда палец, и я первый. Потом они снова оказались за спиной, я не видел, как, и начались игры с ножиками. Это были совсем не детские игры. Он немного покидал копье, попрыгал и достал большой арбалет и стрелы. Полный фурор! Мне было так интересно, что даже не страшно. Двадцать два неопиcуемых номера! Это говорит вам Аркаша Топтунов, а Аркаша Топтунов знает, что говорит...

2

Укрепи, Господи, и направь, и благослови тех отважных, кто по мере слабых сил своих противу стоит козням Дьявольским, не всегда и видя истинную их суть, но сердцем своим ощущая, где есть зло, а где добро. И даже в противных милосердию Твоему делах, о Господи, узри светлое пламя правды своей и высокую доброту чистоты своей, и за это, снизойдя, не впадай в гнев, но прости им заблуждения их...

Рассказывает Аллан Холмс, старший инспектор «Мегапола».

35 лет. Гражданин Демократической Конфедерации Галактики.

5 июля 2115 года по Галактическому исчислению.

Я бегу по коридорам коей родной школы. Пусто и холодно. Нет, это коридор училища, знакомые обшарпанные двери. Или это мой первый участок на Панджшере? — тот же зеленый линолеум, те же разводы на стенах. Двери закрыты. Темно. Нет! — сверху холодный свет плафонов... это уже «Мегапол». Переходы. Коридоры. Лестницы. Двери закрыты. Учительская! — откуда? Это опять школа. Свистит ветер, скрипят проржавевшие петли. Выход! Стена. И сзади стена. Господи!.. Я бьюсь головой об стены. И падаю...

...Мне редко снятся сны, а когда снятся, я их не запоминаю. Я проснулся на полу, лицо болело и было мокрым. Когда включил ночник, на кнопке осталось красное. Отпуск кончился, а нервы ни к черту...

Теперь уже не уснуть до утра. Впрочем, недолго и ждать осталось. В зеркало было жалко смотреть: там находился кто-то, нуждающийся в помощи. Оказав помощь, я вышел покурить на балкон. Ночь в Ялте: бархатная тьма перед рассветом, бриз, море, звезды и тишина. Что ни говори, в Великом Договоре немало хорошего. И во всяком случае, Земля заслужила звание Планеты-Для-Всех.

Огонек подбирался к фильтру, когда заурчал телефон.

— Доброе утро, Аллан!

— Доброе утро, сэр!

— У вас посвежевший голос. Надеюсь, вы хорошо отдохнули. Но я, признаться, думал, вы спите.

— Я ждал вашего звонка, сэр.

— Но как вы догадались?

— Это элементарно, сэр!

— Холмс! Для вас есть дельце. Материалы доставят в номер. Спокойной ночи.

Шеф, по-моему, обиделся. И зря. Наверняка его задачка стоит невинной шутки. Хотя я, действительно, умею догадываться. Сложно стать хорошим полицейским, имея фамилию Холмс. Но, судя по всему, мне это удалось.

Двенадцать лет назад кадровик «Мегапола» предложил мне стажировку. Прибыв на Панджшер, я встретил единственного человека, походить на которого стараюсь по сей день. Чем я, щенок, мог быть полезен Арпаду Рамосу? А он принял меня, как равного. В газетах об этом не писали, по сей час особого секрета уже нет: там, на Панджшере, «Мегапол» координировал первое массированное наступление на «фермы» Организации. Шутки кончились. Наставник Пак значился во всех картотеках Галактики, он уже не пытался откупиться, он спешил уйти, но этого никак нельзя было допустить. Моих сил хватало только на то, чтобы не отстать от Арпада, в остальном Рамос мог рассчитывать на себя одного — и тогда, когда мы пять дней ползли через раскаленную степь, и потом, вышвыривая меня из-под пулеметной очереди. Его ли вина в том, что он, раненый, был отправлен на базу и я — сопляк! стажер! — продолжил преследование один? Да, это я взял Пака, взял почти голыми руками. Но мало кто знает, какую роль сыграл во всей этой героической эпопее Аттилио, доверенное лицо Наставника. Тогдашний капореджиме очень хотел стать Доном, и ему было, видимо, очень приятно хоть раз в жизни постоять на стороне закона. До сих пор я получаю к Рождеству открытки от Дона Аттилио Шарафи.

Именно тогда «Мегапол» заинтересовался мною всерьез, и спустя год я был принят в штат, а потом, обогнав следователя Рамоса, стал инспектором.

Профаны болтают о «Мегаполе» невзвешенно, да и пресса им во многом помогает. Нельзя сказать, что нам это вредит. Во всяком случае, авторитет у ведомства не ниже, чем у Контрольной Службы. Но всего-то нас, не считая стажеров, на всю Галактику человек двести, из них стенографистов всего 3 семь.

Никто не идет в полицию, мечтая как о максимуме о сержантском довольствии где-нибудь на Глабрионе. Мы мечтаем о настоящем профессионализме, а значит — о «Мегаполе». Это и вправду интересная работа. И не вижу оснований стыдиться нашей эмблемы: двух глянцево-черных, настороженных ноздрей собаки. Да, мы — псы. Но наш хозяин — закон.

От нас не уходят, даже, уйдя в отставку. Пять лет назад я в последний раз встретился с Арпадом Рамосом в его уютной квартирке на Ганимеде. Списанный по инвалидности, он чуть-чуть оброс жирком и промышлял мелкой торговлей. Твердый доходик плюс пенсия да неплохая семья — что еще нужно человеку? Но я уже знал, поднимая рюмку за встречу, что именно этот веселый инвалид, мой друг и первый учитель, виновен в десятке зверских убийств — и что с того, что жертвами были боссы Организации? Они смеялись нам в лицо, потому что у нас не было доказательств. А Рамос уже не был связан присягой и вел свою собственную войну. Покалеченный и отставленный, он все равно остался псом. Все, что я смог сделать для него, — это рассказать о том, что известно пока только мне... и уйти.

Никогда не забуду, как выла вдова Арпада; сложись иначе, на его месте мог бы быть я. Поэтому к своим тридцати пяти я верю только закону. Вера во все остальное обошлась мне слишком дорого.

...Пневмопочта, чмокнув, выдала капсулу. В совсем тоненькой папке уютился одинокий листок, озаглавленный «Плоды Ла. Материалы». Текст сообщал следующее, по пунктам:

«Первое. В обеих великих державах, а равно и на периферии замечены случаи употребления наркотического вещества нового типа. Сырье неизвестно.

Второе. В среде лиц, употребляющих (предположительно) данный наркотик, резко снижен интерес к социальным проблемам. Зафиксированы случаи сумасшествия, а также самоубийства, часто — с большим количеством жертв из числа случайных прохожих.

Третье. Индекс Щурбанова-Челокова показывает рост социальной агрессивности в густонаселенных пунктах (справка Галактического Института Общественно-научных Исследований).

Четвертое. Каналы поступления наркотика неизвестны. Образцы отсутствуют. Точно не выяснены симптомы. Официальные информаторы отмечают, что многие предполагаемые наркоманы носят на шее амулеты в виде плодов дархайского дерева ла.

Пятое. Плод ла является необходимым сырьем для приготовления ряда тонизирующих напитков, косметических изделий, а также сильных психотропных препаратов, не дающих, однако, эффекта привыкания (справка Галактической Ассоциации Охраны Физического Здоровья)».

М-да. Написать такое — все равно, что ничего не написать. Даже стажеру первого курса понятно, что и без пятого пункта дело не в плодах ла. Они вкусны, не более того. Я тут же провел следственный эксперимент. Когда вазочка опустела, за окном уже рассвело.

Вспомним древних: *qui prodest?* Кому выгодно? А действительно, кому? Что имеем? Во-первых, Хозяйство. Что ж, я давно не виделся с Доном Аттилио, и старик, очевидно, стал

меня забывать. А это нехорошо. Не люблю, когда меня забывают, тем более — такие люди. Но вполне возможно, Дон Аттилио и ни при чем. В его свите всегда найдутся два-три резвых неформала, которые расколют организацию на мелкие куски ради удовольствия хоть недолго, а побыть Доном Амир-Али или Доном Нгуги. Так. Вторая версия

— неформалы. Далее. Допустим, Хозяйство тоже ни при чем, и это диверсия. Но кто? Страдают оба — и Конфедерация, и Союз, — иначе дело не пошло бы в «Мегапол». Значит, это маловероятно, хотя поработать следует и в данном направлении...

Через неделю я знал уже довольно много. Самое главное, выявились симптомы. Может быть, и не все, но, как мне показалось, основные. Я помотался по Галактике изрядно. Эти наркоманы действительно не были похожи на обычных. Никаких ломок, никаких «пушеров». И вместе с тем бедняги были безусловно больны. Очень спокойные, выдержанные, невероятно сосредоточенные и даже немного надменные — словно ушедшие в себя, мыслящие ясно и логично, но ограниченные самой своей логикой.

Собеседования были обидно одинаковы. Приглашенные пожимали плечами, а услышав обвинение в наркомании, смеялись в лицо. Самые разные люди, молодые и постарше, удачливые и невезучие, с дипломами и без. Всех их объединяли две особенности: короткие чеканные формулировки, когда речь заходила об их мировоззрении (правда, они редко говорили на эту тему), и неприязнь к Дальнему Космосу. Общий аргумент. «В нашем маленьком доме много больших дел». И еще — сдержанная, но фанатичная ненависть к государству, вне зависимости от подданства. Обоснование: «В пирамидах нет равенства. В пирамидах — гниль». И вообще, все, что их окружало, называлось «гнилью».

И мне стало ясно: кто-то решил пробраться к власти. Кто? Это пока не важно. Но эта третья сила есть. Обращаться к Контрольной Службе со смутными догадками смысла нет. Вполне возможно, они тоже работают над этой темой, но КС никогда не станет делиться информацией с «Мегаполлом». Склоки, чтоб их! Но, в любом случае, если я прав, то многое становится на свои места. В неведомых лабораториях изготовлен этаким анти-наркотик. Наркотик, не создающий иллюзии, а разрушающий их. Человек начинает видеть все не в розовом свете, а в черном. Человек не теряет волю, наоборот, он обретает ее, злую и разрушительную. Логично. Именно такие пуристы смогут разложить или вообще взорвать к черту ненавистные им «пирамиды». Однако интересно, подумал ли мой неизвестный друг, как загнать джинна в бутылку после того? Этих ребят не переубедить и не вылечить, а останавливать их будет чересчур накладно: в Эру Равновесия слишком многое строится на здоровом смысле. У этих же здравого смысла так много, что, скорее всего, нет совсем.

Вернувшись на Землю, я понял, что зря летал к черту на кулички. Ибо первое, что бросилось в глаза уже в Семипалатинске, — это десятки спокойных лиц в толпе. В Ялте их было еще больше; раньше я просто не обращал на них внимания, но зараза затронула и Планету-Для-Всех. Правда, земные выглядели менее агрессивными, нежели инопланетные.

В холле отеля меня ждал приятный сюрприз — Катрин!

Я не видел ее, кажется, года три. С тех пор она еще больше похорошела и, видимо, продвинулась вверх, во всяком случае, далеко не каждая манекенщица Конфедерации может позволить себе номер в «Ореанде», а тем более — на одном этаже со стингом «Мегапола».

Сам не ожидал, что так ей обрадуюсь. По-моему, она обрадовалась тоже, так что мы дружно решили не идти в бар.

— Ну, как жизнь? — спросили мы почти одновременно. Рассмеялись. Помолчали.

— Ты, я вижу, еще жив, — наконец улыбнулась Катрин.

— Стараюсь...

Три года назад именно моя работа послужила основным поводом для нашего разрыва. Катрин хотела иметь детей, но не хотела, чтобы вместо папы ее дети имели пенсию, даже такую, какая положена вдове инспектора «Мегапола». На нее произвели большое впечатление похороны Валеры Бабейко: запаянный гроб утопал в цветах, выступали очень высокие люди с очень искренними соболезнованиями, но Валерину Ирэн это совсем не утешало. Пожалуй, я зря взял Катрин особой, девочка напугалась.

Да и я не был готов ко второму браку.

— А ты пошла в гору, крыска!

— Не столько в гору, сколько за бугор.

— ?

— Нет, Аль, он старый и набожный...

— Так значит...

— Да, продолжаю ждать принца.

— А старший инспектор «Мегапола» вас уже не устроит, мисс?

— Ого! Мы подросли вместе...

...Не помню, кто из нас погасил свет. Мы танцевали в темноте, потом музыка умолкла. Да, я, Аллан Холмс — пес закона. Но бывают вечера, когда хороший хозяин не станет звать со двора собаку...

3

Когда же смрад злоб навеки погубленных душ коснется тебя, Господи, и, решив извести скверну, обнажишь ты карающий меч, вспомни: и злые, и мерзостные лишь люди, не более того, и силой не изничтожить силу, но лишь большую жестокость посеешь, карая без пощады. А потому, Отче, милуя заблудших, не побрезгуй и снизойди, и в снисхождении своем не испепели, но вразуми даже наизакоренелых...

Рассказывает Генрих Януарьевич Вышковский, калькулятор. 48 лет. Лицо без гражданства.

6 июля 2115 года по Галактическому исчислению.

У маленького человека в жизни и радости маленькие. Маленькая рюмка коньяку в маленьком кафе на бульваре, маленькая квартирka на окраине, маленькая, на что-то надеющаяся женщина три раза в месяц. Зато в «Одеоне» я всегда сижу в первом ряду! Надо уметь вырываться из рутины.

...В детстве я был не только не хуже других, но, думается, и лучше; во всяком случае этот период никаких претензий к Единному Союзу у меня нет. Моя фотография с первого класса висела на школьной доске почета, и, смею вас заверить, вполне заслуженно. Может быть, я что-то недопонимал, зато повторял буква в букву. Это ведь очень спорный вопрос: форма важнее или содержание. В конце концов, содержание определяется не нами, а теми, кто уполномочен его определять. С формой же у меня всегда и все было на должном уровне. Мне давали задание. Я его выполнял. И редко кто мог выполнить лучше, чем я. Поэтому никто не удивился, когда после школы меня пригласили на комсомольскую работу.

Чуть позже я понял, что умею не только исполнять, но и руководить. Никогда не обольщаясь, я правильно подбирал кадры: мои люди не хватали с неба звезд, но этого и не требовалось. Требовалось понимать и исполнять досконально. Сбоев не случалось.

Я вступил в Партию, окончил Высшую Школу Космофлота...

В этот день в «Одеоне» открывался новый сезон. Афиши сообщали:

Аркадий ТОПТУНОВ представляет Лона САРДЖО!

Юный виртуоз Дархая покажет вам Чудеса!

Двадцать два Оригинальных номера в программе «ПТИЦА ТОКОН»!

Разумеется, билеты достать было невозможно. Но я человек предусмотрительный и возобновляю свой абонемент заблаговременно и регулярно.

Толпы ломались в театр за час до начала. Еще бы. Дархайский актер — это новинка. Большинству из вас наверняка приходилось видеть туристов с Дархая. Они производят благоприятное впечатление: дисциплинированы, аккуратны, скромны в поведении и одежде. А это свидетельствует о многом! Поверьте мне, человек становится выскочкой не тогда, когда впервые критикует вышестоящих, а когда появляется на службе в ненадлежащем виде. Мне лично всегда нравились строгие темные костюмы и неброские галстуки, и за пять лет моей работы в Космофлоте никто из подчиненных не позволил себе пренебречь моими вкусами.

...Та история была совершенно дурацкой. Верх безответственности так бросаться кадрами, даже если я и был не вполне прав. Космофлот собирался достойно встретить стосорокалетие выхода человека в космос. Главный Диспетчер, Зуев, уходил на персональную, вопрос этот был уже решен и оставалось только неясно, кто конкретно станет его преемником. Впрочем, кроме меня, серьезных кандидатов не было. Меня уже вызывали наверх и обстоятельно беседовали. Ну а Главный Диспетчер Космофлота — это уже номенклатура, оттуда рукой подать до Директора и, следовательно, до кресла в Совете ЕГС.

Надо ли объяснять, как важно мне было показать, что я — именно тот кандидат, который нужен на столь ответственном посту? Все шло, как надо, и не хватало лишь заключительного штриха. Тут и подвернулся этот поганый «пассажир», «Адмирал Истомин». Он вез детей, отбывших после каникул из нашего ведомственного лагеря в поясе Цереры, и, по графику, должен был прибыть на Ормузд-2 четырнадцатого. Но подумайте: какая радость для космолетчиков встретить своих детишек именно в праздник? Что может быть проще? Как исполняющий обязанности Главного я связался с «Адмиралом» и приказал капитану скорректировать время прибытия. Директива, разумеется, была устной. В оскорбительных выражениях капитан отказался, ссылаясь на будто бы дряхлый реактор. Пришлось его отстранить, тем более, что первым помощником был человек, известный мне еще по комсомолу как исполнительный и добросовестный товарищ.

К моему сожалению, капитан оказался прав и, тормозя в окрестностях Ормузда, корабль взорвался. Полетел реактор. Вместе с ним на Ормузд полетели радиоактивные осадки... а я полетел с работы. Все бы могло обойтись, если бы не проклятый «Ксеркс». На месте Контрольной Комиссии я бы вначале разобрался, что делал патрульный рейдер ДКГ во внутреннем пространстве Союза, прежде чем принимать к сведению клеветнические измышления по поводу якобы подслушанных устных директив. Так я на заседании Комиссии и заявил — слово в слово...

Надо отметить, что импресарио Топтунов умеет порадовать истинного ценителя.

Многие находки его довольно вульгарны, как эта пресловутая Ози Гутелли. И вместе с тем он принадлежит к поколению, которое исповедует старые, классические принципы отбора.

Даже увиденная мною часть программы положительно радовала: напевная дархайская музыка, благовония, перезвон бубенцов, умелая игра светом. Актер был совсем молод, но сколько продуманной властности таилось в его движениях, сколько мудрой зрелости! Я, немного знакомый с традициями Дархая, смог различить иероглифы: «В единстве труда и послушания — сила». Похвальный обычай, нужно отметить: украшать государственным девизом одежду!

Во втором отделении исполнитель скинул ярко-красный национальный

лв

ат

и , оставшись только в широких белых

т

и и белой же т

и-

ку

ан

г . На похрустывающей от свежести материи я разглядел знакомые мудрые знаки благородного древнего дархи: «ПЛОДЫ ЛА». Неужели?! Синий и алый свет резали арену. Юный дархаец оправил волосы, и в разрезе ти-куанг блеснул долгожданный, амулет. И не стало сомнений. Свершилось! Он искрится в синем луче! Но как же долго пришлось ждать...

Я не стал досматривать программу.

Даже дома я не мог успокоиться. Нервы, нервы, нервы. И до полуночи три часа. Занялся гимнастикой. «ДОРОГУ ОСИЛИТ СПОКОЙНЫЙ!». Вверх-вниз. Гантели, штанга, брусья. «СИЛА ПИТАЕТ ЕДИНСТВО!». Стойка «токон»: руки — как крылья, грудь — вперед, резкий выдох. «ВСЕ — ВОЖДЬ, ВОЖДЬ — ВС,!» Время еще есть. «ЗНАЮЩИЙ НЕ СПЕШИТ!» Свершилось. Посланец пришел.

Сосредоточился. Почитал «Великий Путь». Поразмыслил. Проникся. Возбуждение ушло. Тело — как камень. Дрожи нет, есть гнев. Великий гнев. Великий, как Путь!

Часы пробили одиннадцать. Я окинул взглядом свою скромную каморку, свой приют. О нем не

знает никто: я своими руками превратил кладовую в Обитель. Стопка «Откровений Истины» — их не надо брать, они в сердце. Что еще? Достать из тайника меч! Да, конечно, я же забыл сорвать с себя растленные земные тряпки. Как облегает тело суровая ти-куанг! Как струятся складки просторного лвати! Все? Глаза в глаза, зрачки в зрачки — я и портрет над столом. Я и он, он и я. О! Словно свинец, густая и тяжелая Сила Справедливости вливается в жилы мои, о Вождь!

Улица. Пусто. В такт шагам — воспоминания. Память не спит и не прощает. Мысли бьют в виски. Гниль! Они выгнали меня. Ублюдки! Им пришлось кстати донос продажных демократов. Старый Бушмакер прилюдно назвал меня лжецом. Мразь! Маразматик! «В Партии таким не место!» — он сказал так. За что? За полторы сотни визжащих сопляков — меня, и.о. Главного? Ведь были же объективные причины... Ненавижу! Я не нужен вам? А вы — мне! Демократическая Конфедерация умеет ценить специалистов!

Как же — умеют! Прогнившие конфедераты меня даже на порог не пустили. Брезгают, видите ли. Спевшаяся сволочь! Ладно! Все вы еще узнаете, кто я такой...

Полночь. Я стою в зале Клуба Гимнастов-Антикваров. В медных кольцах — факелы. В воздухе — благовонный дым. Вокруг — борцы. Приветствую тебя, брат! И тебя! И тебя! И Вас, почтеннейший!

Мы строимся. Каждый знает свое место. Старший Брат — впереди. Над ним

— портрет.

— ДАЙ! — мечи вылетают из ножен!

— ДАН! — единство сметает гниль!

— ДАО! — нет преграды для Верящих!

— ДУ! — и время не хочет ждать!

Словно крылья птицы токон, взметнулись белые края лвати. Старший Брат повернулся к нам.

— Борцы! Верные факелы света идей квэхва! Дочери и сыны бестрепетного А Ладжока! Шли дни тьмы и скорби — и нет их отныне. Настал день радости; поднимается в небо солнце Справедливости — и верх станет низом, а низ — верхом. Мы ждали рассвета. Рассвет наступает. Посланец явился на Землю. Он пришел издалека, и сладка его весть: близится час отрубить голову дряхлой гидре. Пирамиды прогнили, и мы — могильщики для обветшавших кирпичей. Сегодня на сотнях планет тысячи борцов внимают слову, посланному с Дархая. Здесь, на Земле, вас поведу я! Возрадуйтесь! Вас, озаренных немеркнущим сиянием идей квэхва, помнит Вождь А Ладжок! Он, Любимый и Родной, шлет вам свой привет.

П

ло д

л а

с

оз

ре

л!

Рев. Рев! Рев!!!

Но стены Клуба толсты — не услышит никто. Пока еще не время.

На коленях ползу к возвышению.

— Не позволит ли видевший сияние Вождя обеспокоить незначительным словом единство братьев?

— Дозволяю... — он, кажется, удивлен.

И я, раздирая ти-куанг, встаю над залом, над блеском мечей, над чадящими факелами — наравне с портретом Любимого и Родного. Тишина. Застывшие лица. Лишь взмахнула крыльями на моей груди гордая птица токон, зажавшая в когтях пирамиду.

Как тихо! Согбенны покорные спины, преклонил колена Старший Брат — передо мной, Лучом Ока Единства. Был приказ: стань незаметным. И я ждал. Я знаю, что такое приказ. Эти, согнутые, считали меня равным себе. Я терпел это. Теперь — все! Надо мною — только Вождь. Но... он далеко.

Плод ла созрел!

Я запахиваю ти-куанг и в чадящем огне вижу спины, затылки, города, планеты, державы...

Гниль!!!

4

И умерь суесловие говорящих без счета и меры, Господи! Ведь многие слова затмевают рассудок мудрому, и растлевают сердце глупому, и оправдывают несправедного, и помрачают намерения добронравного. И, утратив святость, Слово перестает быть Богом. Не страшиться ли, Вседержитель? Дай же прелюбословам час и миг, оглянувшись, узреть и успеть ужаснуться плодам посевов их, Господи!

Рассказывает Яан Сан-Каро, журналист со связями. 36 лет. Гражданин ДКГ.

13 июля 2115 года по Галактическому исчислению.

Сегодня мне исполнилось тридцать шесть. Если верить маме, это произошло ровно в четыре утра. Но я, как всегда, проспал сей знаменательный момент и встал только когда мне уже стукнуло пять часов с минутами. Если бы я был дома, мама испекла бы пирог и поставила свечки. К сожалению, за последние даже и вспоминать не хочется сколько лет мамино именинного пирога мне отведать не пришлось.

Я, конечно, позвонил ей и поздравил с праздником. Услышал в ответ, что пришли поздравления от тети Мэри, дяди Гиви, Берты Исааковны, что вечером зайдут Фицпатрики со своим выводком. Фицпатрики — глупые люди: зачем тащить в дом своих трех дур, если меня дома нет? Возможно, они будут обрабатывать маму. Что касается меня, то я, приземлившись в Хрущовой-Никитовке около одиннадцати по Галактическому, к часу дня был уже в Лондоне. Вообще-то, бывая на Земле, я предпочитаю высаживаться на мысе Кеннеди, но сегодня он был переполнен: принимали туристов с Дархая.

Редакции я решил обходить в алфавитном порядке — от «AIR CITIZEN» до «Ялтинського прапору». Неглупо придумано: сконцентрировать руководства редакций в одном городе. Когда Уго фон дер Вельтзена спросили, зачем он настоял на переносе всей прессы в Лондон, он, тогда еще член Совета Земли, жизнерадостный и не парализованный, ответил: «Чтобы была хоть какая-то возможность заткнуть им глотку». Н-да. Бедный Уго переоценил свои силы. В борьбе со свободой слова он заработал инсульт, а слово так и осталось свободным. Кстати, кроме моей мамы, уже мало кто помнит, что юный дебютант Ян Сан-Каро был одним из тех, кто указал господину фон дер Вельтзену на приличествующее ему место. Я имею в виду больничную койку. А ведь я задал всего три вопроса!

К пяти с Лондоном было покончено. Я помчался по коридорам, радостно провозглашая: «Привет, ребята! Как насчет матерьяльчика? Скоро подкину!..» и, обнадежив коллег, убежал. Спасся, можно сказать, чудом от этих зануд. Ну их! Они же не видят живой работы. Да и, кроме всего прочего, совсем не хотелось лишний раз сталкиваться с Гюль, Сюзан, Эмми, этой, как ее?.. Жаклин... да кто их всех упомнит? Опять намеки, упреки, выяснения. Сколько можно? Надоело напоминать о презумпции невиновности!

Впрочем, на сей раз ничего подобного не было. Мне даже не очень обрадовались; суетятся все, спешат, а дела не видно — какие-то дешевые происшествия, но зато куча. Ладно, пусть потерпят, скоро я выдам такую «бомбу», что весь этот унылый бардак встанет на уши. Но всему свое время. Пока что достаточно показаться живым и здоровым. А «бомбе» придет время через недельку.

И я отбыл отдыхать в Крым.

В самолете был сплошной Дархай. Дархайцы слева, дархайцы справа, спереди и сзади — тоже дархайцы. А дархаец-попутчик — это трагедия для журналиста. Трудно сказать, в каком виде они скучнее: молчаливые или в звуковом оформлении. Мне, например, попался говорун. Он прожужжал все уши величию Вождя — видел я эту образину, пусть скажет спасибо ретушерам, что приводят его в божеский вид. Потом сосед опять забубнил о величии, но уже идей квэхва. С точки зрения психиатра, должно быть, интересно послушать, как перевернутую таблицу умножения выдают за свод законов. Но я не врач. Поэтому как только он начал рассуждать о великой миссии Армии Единства, я предложил ему из моей фляжки. Он осведомился, не перебродивший ли это сок ла. Я успокоил его.

Мама в таких случаях говорит, что от добра добра не ищут. Вплоть до Ялты я пытался задремать под бесконечный рассказ о величии архитектуры Юх-Джугай-Туна. Меня, кажется, приглашали в гости.

Был у меня когда-то такой вот разговорчивый знакомый, человек не злой, но очень глупый. Работал он в Космофлоте, водил «грузовики» на периферии. Мне тогда поручили написать серию очерков о героях безвоздушных пространств, ну я к нему и подрядился матросом на рейс. Шли мы в тот раз порожняком, и какой-то

ч

ик

о в черном костюме уговорил нашу дубинушку самую чуточку свернуть с курса ... Впрочем, об этом в книжке я написал интереснее. Но всего половину правды. Половину остального я сообщил только «Мегаполу». А еще кое-что не сообщил никому, почему и могу сейчас гулять по Ялте. С тех самых пор инспектор Холмс считает меня верным слугой закона, а Дон Аттилио — вполне порядочным молодым человеком. Правы оба: я

— журналист...

Когда дархайцы уносили моего соседа из салона, он все-таки успел всучить мне значок с профилем своего вождика. Я честно носил эту бяку — до первой встретившейся урны.

Остановился я, как обычно, в «Ореанде». Знаете? Там еще на стене списки почетных гостей, Леандр Верлу и прочие. По традиции, на следующее утро, после ленча, пошел порадовать Ялту своим присутствием. Выкупал себя, отчего и получил немалое удовольствие. Нашел квэхвистскую газетенку, всласть похотал. Особенно когда дошел до статьи об архитектуре Юх-Джугай-Туда. Сосед мой, надо полагать, знал ее наизусть. Но на бумаге все это выглядело значительно смешнее.

После чтива захотелось чего-то возвышенного. Оно, тем более, лежало неподалеку, на красной подстилке. Я пощекотал, надеясь, что возвышенное хихикнет, но едва не лишился зубов. Потом девица помогла мне встать... и тут я ее узнал. Память-то у меня профессиональная! Конечно! Лето девяносто восьмого, Уолфиш-Бей и неукротимая защитница всего живого. Она тогда вилась около паренька-гитариста. Надо отдать ей должное: она почти не изменилась, в отличие, как ни обидно, от меня. Пришлось напомнить. Припомнили с трудом, но не без удовольствия.

— Да, Лемурка, что слышно об Андрюше?

— Андрея нет, Яан. И прошу — называй меня Эльмирой.

Это было сказано так холодно, что решил данной темы не касаться. Об остальном говорилось легко. Она дважды сходила замуж, оба раза неудачно; впрочем, в подробности не углублялась. Я ответил взаимностью и не коснулся перипетий личной жизни. Выяснилось, что ей попадались мои репортажи. Стиль Яана Сан-Каро был одобрен. Люблю девушек с тонким вкусом.

Разговор продолжился за обедом. Эльмира, безусловно, была лучшим вариантом того, ради чего нестарые преуспевающие журналисты ездят в Ялту. Я поиграл оперением, распушил хвост и самую малость приоткрыл копилку. Уж на что, а на язык я никогда не жаловался, да и врать мне не пришлось. Разве что немножко преувеличить. Байку о Черном Муаммаре и его последнем караване я завершил уже в номере. Но по накалу страстей Черный Муаммар явно уступал всему остальному. К трем часам ночи мы обсудили, стоит ли все-таки выключить свет и кто же это должен сделать. Вставать было лень...

Утром меня не покидало ощущение, что мною попользовались. Это чувство было незнакомо и неприятно. Пришлось уточнить позиции. Уточняли примерно час; стороны пришли к обоюдному удовлетворению. Я, видимо, старею: эта встреча навела меня на грустные мысли о том, что неплохо бы и подзадержаться на данном варианте. Шутки ради я обдумал даже схему взаимоотношений Эльмиры с мамулей.

В полдень мы все же выбрались попить кофе. Эльмира задержалась в холле, у киоска, а я вспомнил минувшую ночь и еще раз проверил, не протрепался ли случаем о «бомбе». Контрольная Служба таких ляпов не прощает. Когда они сообщали мне о Всеобщем Разоружении, я поверил этой информации только потому, что гнать дезуху КС может и по менее надежным каналам. Но пока — ни слова. Скоро подпишут Договор, а тогда об этом завопят все газеты. С моей подачи, как и договорено с кээсовцами.

Меня похлопали по плечу.

— Руки вверх, вы арестованы! — тупо пошутил за спиной, бездарно изменяя голос, Алек Холмс.

— Пусти, начальник, малину сдам...

Будь я пляжным фотошакалом, я имел бы уникальную возможность зафиксировать для истории встречу представителей мужественных профессий...

Вздروгнули. Повторили. Алек плохо выглядел: я давно не видел его таким потерянным, пожалуй, с похорон Рамоса. Я тогда знал то же, что и он, но промолчал. Ему это было известно. Может быть, поэтому Яаш Сан-Каро знает теперь ассортимент бара в кабинете старшего инспектора Холмса не хуже, чем сам хозяин кабинета.

— Слушай, Яаш, ты никогда не слыхал о Клубах Гимнастов-Антикваров?

— Каких-каких?

— Ну, квэжвистские клубы?

— А что, у этих имбецилов есть клубы?

— Еще какие! Гимнастика, разные виды борьбы, фехтование, стрельба из лука...

«Стрельба из лука» меня добила. Я перегнулся через стол:

— Тебя это сильно беспокоит, Алек?

— Представь себе.

— Так вот, — если Холмса что-то беспокоит, я открываю копилку нараспашку. Дальше Аллана не пойдет. — Не пройдет и месяца, как все это станет тю-тю. Что луки? От Большого Оружия скоро не останется и следа. Неважно, каким образом.

— А малое?

— Изымут, наверное.

Аллан вдруг побледнел и сказал очень тихо:

— Спасибо, Яаш. Извини, надо идти. Я, кажется, понял...

Аллан исчез, как появился, внезапно. Их этому учат. Он толковый парень, и думаю, что скоро в «Ялтинському прапорі» появится репортаж Яаша Сан-Каро о новом подвиге стина Аллана Холмса.

После его ухода кругозор расширился, и я увидел Эльмиру за ближним столиком рядом с каким-то скучным типом. Поймав мой взгляд, он дернулся, и растаял, почище, чем Алек. Люблю предупредительных людей, но не обременяющих меня излишними знакомствами. Даже если это действительно был муж Эльмириной сестры...

5

И призри, и пощади, и огради, и не обидь малых мира сего, Господи, ибо благ и человеколюбив еси.

Кому и спасти их, как не Тебе, милостивому? Не обрати лик гнева своего на них, слабых, не виновных пред Тобою даже и в рождении своем, ибо не их была на то воля, но Твоя, более же — ничья; обогрей их теплом любви своей, коль скоро все они суть дети Твои, ты же есть велик во благодати, и благодать Твоя безмерна. Снизойди к ничтожеству их и даже и в великом

гневе своем не погуби их, Господи...

Рассказывает Катрин Маккелли, сотрудник аппарата Звездного Дома. 24 года. Гражданка ДКГ.

20 июля 2115 года по Галактическому исчислению.

Когда женщина счастлива — все вокруг прекрасно, даже подруги. Надолго ли? Говорят, что человеку на всю жизнь дарован Господом лишь месяц счастья. Мало. А для иной — невероятно, сказочно много. Я, пожалуй, из таких. Хотя мне завидовали всегда и все, кроме Эвелины. Эвелина — моя единственная настоящая подруга, можно даже сказать, друг... А так... Девчонки в школе терпеть меня не могли, потому что самые шикарные мальчики часами просиживали со своими песиками в папиной приемной, чтобы увидиться со мной. Ну а когда я в восемнадцать неожиданно стала Мисс Конфедерацией, меня возненавидела та половина населения, прелести которой я должна была олицетворять.

После папиной смерти ветлечебницу пришлось закрыть. Мама зверей побаивалась, а я никогда не смогла бы вести собственное дело. Да и будь жив папа, я бы никогда не посмела послать заявку на конкурс красоты. А так

— премия нас просто спасла. Посыпались предложения. Я спросила у мамы, можно ли, и подписала контракт с Карденом. Два года прошелестели яркими тряпками, парфюмерией, шикарными авто. Ни в одно из них я не села. Не спорю, среди ухажеров бывали и вполне симпатичные ребята, достойные и без заскоков. С ними было легко, весело, но забываться я ни им, ни себе не позволяла. Слова папы: «Доченька, Господь щедро одарил тебя, но помни: честь рода Маккелли — превыше всего», звучали в нашем доме так часто, что я совсем забыла бы их, не повтори этого папа перед смертью. Услышав слово «честь», мальчики куда-то исчезали.

Но Аллан был не такой, как все. Он ни на чем не настаивал, но я с первой встречи поняла, что

э

то произойдет, и когда произошло, не винила ни его, ни себя. Ведь мы собирались пожениться...

Я приехала в Ялту раньше шефа. Конечно, резиденция всегда содержится в полном порядке, но я обязана была проверить, оборудована ли комнатка для Эвелины. Она ведь существо капризное, хотя и очень доброе. Шеф любит посмеиваться над руководителями Союза, порою весьма язвительно. Мол, чувствуют они себя уверенно только в окружении хорошеньких женщин, как будто Галактика населена дураками и никто не понимает, что эти референтки умеют стрелять не только глазками. Что до моего шефа, он не любит охрану, он убежденный демократ, как и положено президенту ДКГ. Где бы он ни был — рядом с ним только Эвелина. Она очень смешная в своем матросском костюмчике, постоянно ухмыляется, почесывается и кланчит конфеты. Шимпанзе, милая слабость сильного человека. Шефа так и называют: «Человек с обезьянкой». А этот противный Сан-Каро пишет, что президент водит на поводке собственного предка. Мадам говорит, что живи Сан-Каро в Союзе, его сослали бы в Сибирь. Шеф, правда, отвечает, что увлечение Достоевским мадам до добра не доведет и что в Сибири теперь курорты, а в Союзе — демократия. Может, и не такая, как у нас, но тоже вполне приличная.

С Эвелиной я познакомилась вскоре после того, как Аль исчез, оставив непонятную, глупую записку. Контракт к тому времени закончился, я работала сестрой милосердия в госпитале

Сан-Исидро, знаете — из категории «Все для ваших любимцев»? Ее привезли к нам на длинной черной машине с затененными окнами. Ножевые ранения были очень странными для зверушки. Впрочем, люди из Зоопсихологического Центра объяснили, что Эвелина не совсем обезьяна. Действительно, глаза у нее, как у человека, да и разум тоже. И умеет она очень многое. Бедняга так ко мне привязалась... Когда за ней приехали — кричала, отбивалась, плакала. Через три дня меня пригласили в Звездный Дом и разложили все по полочкам. Так я и стала секретарем президента ДКГ, а главное — нянькой, воспитательницей, подругой и старшей сестрой сверхтелохранителя Большого Босса.

...Аль позвонил мне и сказал, что завтра снова будет в Ялте. Мы договорились встретиться. Может быть, я не очень умна, но еще с того вечера знала, что он обязательно позвонит. И что больше мы уже не расстанемся.

Три года я ни к одной встрече не готовилась так, как в этот день. Прохожие оглядывались на меня чаще обычного; мужчины присвистывали, бабы шипели. Дверь номера была полуоткрыта, и я вошла без стука. Аля в комнате не было, а перед зеркалом разминался какой-то смуглый паренек в шароварах. Я вышла, посмотрела номер апартаментов и зашла снова. В комнате, оказывается, были двое. Парнишка, по-прежнему, у зеркала, а в кресле развалился лысоватый полненький человечек в халате с драконами. Он внимательно изучал свежий выпуск «Радостей Копенгагена». Увидев меня, лысенький засуетился, уронил куда-то журналчик, встал и довольно изящно шаркнул ножкой:

— Какая приятная неожиданность!

Тут я его узнала. Вчера, в холле «Ореанды», он истошно кричал, что как ветеран земной сцены имеет все права расположить своего артиста именно на девятнадцатом этаже. Я спросила, где Аль. Они ничего не знали: парнишка только сегодня въехал в освободившийся номер. Извинившись, я вышла.

В баре прохладно и пусто. Вот и опять я — одна. Как три года назад. Совсем одна. Аль... не хочу называть тебя подлецом. Но как еще? Три года назад — и теперь... Трус, трус, трус. «Что у вас есть покрепче? „Билли“? Нет, лучше водки...» Тепло разливается по телу, в голове гудит. Зал понемногу заполняется. «Вот теперь, пожалуй, „билли“. Двойной!» Я смотрю в полумрак: там смеются, танцуют, жмутся друг к другу... Карлики, вы знаете, что такое любовь? Где вам... Аль! Карлик, трус, пигмей... «Еще двойной „билли“!» В зале темнеет. Перед моим столиком качаются два... нет, один гном, мерзкий, носатый ли-ли-пут. Откуда-то издали доносятся слова:

— Вставай, красотка. Йошко Бабуа будет с тобой танцевать!

Уйди, карлик... не хочу... не хочу...

— Я — Бабуа!

Становится совсем тихо. Все чего-то ждут. Отпусти руку, мне больно!

— Дзвочка, музыка ждет!

— Я никуда не пойду!!! — кричу изо всех сил.

— Я — Бабуа, и ты пойдешь со мной. Пока — только танцевать...

Он тащит меня из-за столика, и мне страшно. Голова раскалывается. Туман словно выдуло. Аль, трус, ничтожество! Эвелина, где ты?! Люди-и-ии! Нет, нет! Людей нет. Белые лица вокруг — как маски. Страх и интерес, шепот: «Бабуа, Бабуа, глядите, Бабуа!». И только давешний

парень прорывает толпу. «Отпусти сестру, друг-землянин, ибо сказал Вождь: поднявший руку на сестру — плохой брат!» Скалится носатая рожа: «Отойди, бичо!» И шепот со всех сторон: «Отойди, это же Бабуа...» Но поверх шепотка — мелодичный голос: «Позволь напомнить, друг-землянин, что и так сказал Вождь: не внимающий брату — не брат!» Короткий смешок: «Понюхай, бичико, смертью пахнет!».

Меня отпустили, и я падаю на стул под омерзительное хихиканье. Прямо надо мной две тени, большая и крошечная. О чем они?

— Жаль, землянин, но сказано Вождем: не внимающий умолкнет...

Почему так тихо? Совсем-совсем тихо! Только медленно звучит в сумраке бара: «Дай. Дан. Дао. Ду», — и большая тень летит на визжащие столы, сметая вилки, фужеры, блюда с объедками. Какой грохот... и как раскалывается голова... Где я? Почему я тут? Кто-то маленький, чернявый, прикрывшись табуреткой, кричит: «Бабуа бьют!» — и к стенам отлетают пиджаки. Воняет потом. Парнишка деловит и спокоен, он вроде даже не движется — но вслед за пиджаками под стенки отправляются их владельцы. Вновь возникает носатый: в одной руке нож, в другой — обломок бутылки, он идет прямо на меня, мне страшно... но мальчик рядом, а на стойке, притоптывая пухлыми ножками, надывается ветеран сцены:

— Бабуа, стой! Бабуа, ты его не знаешь — это артист! Лончик, я тебя умоляю, береги пальцы!

Снова рев и возня в середине зала. Ничего не вижу. Только обрывки криков:

— Атпусты! Получай, гад! Не наааа... Всем оставаться на своих местах! Руки за голову! Хлопцы, атас! Ментовка! Лончик, не надо, они при исполнении!

На мой столик тяжело шлепается кобура с обрывком портупеи.

— Стрррррелять буду! Шэни дэда... лять буду! Чем, волчина? У-хх! Дайдандаоду! Маляка! ААААА! Верни оружие, су... Не падхады, я Бабуа! Бабуа? Лончик, можно я ему чуточку ударю?

...Я не помню, как оказалась в номере. Толстяк, потирая оцарапанную лысину, убежал говорить о чем-то с сержантом. Боже, как стыдно...

Лон принес воды.

— Выпей, сестра, тебе будет легче.

— Почему ты меня называешь сестрой?

— Ты красивая. Ты похожа на птицу токон.

Боже, боже, боже... какие у него глаза! Он смотрит на меня, как я в детстве глядела на отцовскую Библию. Он же еще ребенок... Но он не карлик. Он — мужчина. С таким спокойно, такой не обманет, не бросит, не предаст. Принцы остались в сказках. Я одна... Господи, совсем одна... как плохо, как страшно быть одной, я не хочу, не могу быть одна. Иди ко мне!.. ну же, ну... какая у тебя гладкая кожа, какие мягкие волосы... нет, милый, нет, не больно... можно, все можно... поцелуй меня, скорее... не бойся, я хочу тебя, Аллан...

— Мое имя Лон! — он отшатнулся. — Тебе уже лучше, сестра?

Я провалилась в пустоту, и мне снились страшные сны...

Когда я открыла глаза, в висках ломило, горло пересохло; аккуратно одернутая юбка прикрывала колени, а на голом полу под зеркалом спал мальчик... как же его имя?

Я не стала будить. Зачем? Стыдно...

В холле ко мне подошли двое в строгих черных костюмах. Учтиво приподняв шляпу, тот, который казался постарше, негромко сказал:

— Синьорина Маккелли? Дон Аттилио Шарафи приносит вам свои глубокие соболезнования...

6

Но и тех, кто в великой, суетной, жалкой гордыне своей отверг, не размыслив, милость и благодать Твою, лишь внешне признавая заповеди Твои и подменив подвиг мишурой, нарушает их ежечасно, — и их не накажи сверх вины, Человеколюбец, ведь есть они таковы, каковы есть, не без воли Твоей и, возомнив многое, лишь опустошили сердца свои в погоне за тем, что невесомо будет в чаше на Страшном Суде Твоём, Господи. Просвети же таких, дабы укрепилась рука гордых и гордыня их послужила наконец добру и любви, яко все в руце Твоей, Господи...

Рассказывает Дон Аттилио Шарафи, Администратор Хозяйства. 68 лет. Гражданство неизвестно.

23 июля 2115 года по Галактическому исчислению.

В последнее время я все чаще бываю на панихидах. Смерть раньше мало занимала меня, она была необходимым атрибутом Дела, и в молодости я относился к ней так же, как к одному из постоянных партнеров по бриджу. В те годы я не мог представить себя на месте виновника торжества. А теперь мне каждую ночь снится крематорий. Что поделаешь, старость.

Уходят приятели, друзья, просто знакомые. Уходят сотрудники. Я много думал об этом и точно понял, что самое неестественное на свете — это естественная смерть. Когда человек, благополучно разминувшийся с пулей, ножом, удавкой и газовой камерой, в одно прекрасное утро просто не просыпается, заставляя тем самым жену плакать, родню суетиться, а меня снова надевать залоснившийся черный сюртук. Придет день, и мой старший сын Джанкарло наденет этот сюртук, провожая меня. Традиция! Но я все же надеюсь, да и доктора обещают, что это случится нескоро.

Смерть в молодости не лишена преимуществ. Примерам не приходится много работать над лицом. Но не всегда и молодость берет свое. Чтобы привести в порядок то, что осталось от Холмса, мне пришлось уплатить специалистам кругленькую сумму. Впрочем, я был ему многим обязан.

Не знаю, тверд ли был в вере мой молодой друг. Скорее всего, нет. Он был еще не в том возрасте, когда думаешь о душе. И я не думал бы о душе на его месте, принимая во внимание то, как смотрела на него эта девушка в отеле.

К

ОН

юх Хозяйства, Мусаиб, проявил излишнее рвение и наблюдал за Холмсом и его подругой даже в такие мгновения, которые никак не интересуют старых доброжелателей стина.

Я телеграфировал в «Мегапол», а организацию церемонии поручил Бибигуль. Она имеет опыт в таких делах, а кроме того — она моя жена, и на нее я могу положиться. Когда мы выходили из храма, жена вела девочку под руку — у бедняжки совсем не было сил.

Холмс умер, как жил. На его теле насчитали двенадцать ран, и ни одной в спину...

Когда мы впервые встретились с ним, у мальчишки были злые щенячьи глаза, и он долго не хотел слушать старшего. Впрочем, и я бы никогда не связался с «Мегаполом», но это была единственная возможность наконец-то вывести из игры Наставника Пака. Наставник был слишком старомоден и не чуял новых веяний. Он чрезвычайно ценил мишуру, обряды и громоздкие титулы. А самая опасная традиция — слепо следовать традициям. То, что при нем называлось «Организацией», фактически не существовало: сотни слабо связанных

к

он

то

р и формальный, редко собиравшийся слет планетарных капо. Пак устраивал всех, и скорее всего поэтому дожил до девяноста. Он любил порассуждать о своих заслугах, но заслуги рядовой гориллы не увенчиваются званием «капо деи тутти капи». Я понял, что пора сказать слово, когда Пак заказал коллективу авторов книжку воспоминаний. Бедняга надеялся получить Нобелевскую по литературе.

Среди тогдашних капо я считался пацаном, мальчиком на побегушках. «Атти, сбегай! Атти, распорядись!» И так далее. А ведь мне было пятьдесят три года и я давно подросток...

Я похоронил Организацию, даже не одевая черного сюртука. Хозяйство — дело моих рук. Все громкие титулы ушли в прошлое вместе со слетами, пустой говорильней, стычками и безудержной лестью. Новый порядок, если хотите. Заслуженные мумии поехали разводить цветочки на Гее-Элефтере. Те, кто решил пискнуть, отправились туда же, но в качестве удобрений, причем я даже не замарал рук. Небольшая утечка информации и отставной психопат Рамос... Этой комбинацией я горжусь по сей день.

Я не скрывал, что собираюсь разворошить болото. Новое время. Новые взгляды. Новые люди. Таков мой девиз. Для меня все было ясно: главная задача Хозяйства — развлечения. Жизнь человека коротка, и прожить ее он должен весело, чтобы не было мучительно стыдно потом. Если, конечно, у него есть деньги. Ограничивать человека в удовольствиях — жестоко и недемократично. Это вам не Единый Галактический Союз! Да, мы специализируемся на запретных плодах, но мы же никому их не навязываем — к нам идут сами. Да что там идут? Бегут со всех ног! Если завтра мне взбредет в голову закрыть питомники розовых сотюшек на Периэке или, скажем, заведения сийсильного массажа на Фрэзе, — правительства Периэка и Фрэзы будут мне в ноги кланяться, но миллионы простых граждан заплачут. А я демократ!

Мы окрепли, стали мало уязвимы, а самые отчаянные мои ребята пробрались даже в пределы ЕГС. За нервную работу я платил им тройное жалованье. Конечно, в Хозяйстве не все шло гладко, случались сбои, порой весьма досадные, но в целом с трудностями мы справлялись. А вот лет пять назад случилось непредвиденное: кто-то начал ставить палки в колеса. Загорались склады, не приходили к месту назначения караваны, исчезали опытные пушеры. Я понял, что у нас появился серьезный конкурент. Первым делом пришлось провести ревизию Хозяйства, но все было чисто, ряды сплочены, как никогда, оппозиции — ни в намеке.

Беда не приходит одна: начался, как и следовало ожидать, отток клиентуры. Впервые за годы руководства Хозяйство не выполнило план. Понизился процент посещаемости, да и другие показатели оставляли желать лучшего. Это еще не был кризис, но ситуация становилась, как бы это сказать... предкризисной, а главное — укусы учащались.

Я обсудил ситуацию на семейном совете и приказал пустить слух о выходе в пространство каравана, груженного новыми сортами галлюцина. Как я и ожидал, транспорт был атакован, но на сей раз налетчики попались. Несмотря на все старания

с

то

ма

то

ло

го

в , сломался только один, остальные подышали, вопя что-то невнятное. Да и заговоривший особой ясностью речи не отличался. Из груды бессвязицы определенную ценность представляло только упоминание Клуба Гимнастов-Антикваров.

В

б

ух

га

лт

ер

ии Хозяйства серьезно изучили всю информацию об этих чудаках, проанализировали их брошюры. Полистал кое-что и я. Бред этот напомнил мне последние выступления Наставника Пака. Правда, у того бывали и здравые мысли. Так, он частенько говаривал: «Попытка не пытка, правда, капореджиме Шарафи?». И я распорядился попытаться.

Мои парни взяли один из клубов, кажется, в Катманду. И не нашли там ничего

п

ро

ти

во

за

ко

нн

ог

о : спортивный инвентарь, подсвечники, аляповатые портреты и кучи совершенно несолидных железок. Кроме того, руководитель группы доставил мне увесистый грессбух со списками. На обложке был вытеснен плод ла. Имена группировались по сферам деятельности, против некоторых стояли птички, черточки, значочки. И самое страшное, что две страницы занимал список сотрудников катмандинского филиала Хозяйства. Вот тогда у меня впервые закололо сердце, потому что это уже не просто конкуренция.

Самая серьезная работа над списками окончилась ничем. Никто из зарегистрированных никогда не был ни гимнастом, ни антикваром и даже не слышал о таких клубах. Обычные врачи, инженеры, социологи, историки, артисты. Много журналистов, космолетчиков и полицейских. Очень много пенсионеров. Мы снова оказались в тупике.

Вот поэтому, когда стин Холмс связался со мной и настоятельно попросил о встрече, я послал ему билет на футбол. «Реал» играл с «Апогеем» из Мединеты на своем поле в Батуме. Вернее сказать, на

м

ое

м поле . Не подумайте, что оно принадлежит мне, но я родился здесь и в детстве гонял по нему мяч, а такое не забывается. Батум — городок тихий, приятный и находится почти на середине пути из Кандагара в Палермо. Дороги что на восток, что на запад — всего ничего. А ведь иногда так тянет съездить и поклониться родным могилам.

Мы беседовали с Алланом недолго, минут пятнадцать, может, чуть больше. Я сказал ему все, что знал. Скрывать не было смысла: кроме «Мегапола», только

с

пе

ци

ал

ис

ты могли бы заинтересоваться моими сведениями. Но на них у меня выходов не было; впрочем, и «Мегапол» — такая машина, что Хозяйство могло уже не беспокоиться о захоронении конкурента.

Холмс слушал меня внимательно, изредка переспрашивая, и, извинившись, ушел перед концом первого тайма.

На следующее утро его нашли. Я сделал для него все, что мог...

Через день после похорон я повез Джулию и Гейдара кормить лебедей в Национальный парк. К сожалению, мои дети лишены должного чувства естественности и при первой возможности норовят бросить внуков на нас с Бибигуль; мы, впрочем, не особенно сопротивляемся. Как каждый дед, я очень люблю своих озорников, да и они, мне кажется, чувствуют себя у нас свободнее, чем с родителями. Бибигуль в этот раз с нами не поехала.

У пруда мы постояли все вместе; потом малыши с няней отправились к аттракционам, а я присел на свою любимую скамью, первую у входа слева. Где же допущена ошибка? Ошибок

не было. Но меня не оставляло ощущение, что я, впервые за много лет, оказался не больше чем пешкой в чьей-то длинной, хитро задуманной партии. Досадное происшествие с Холмсом лишило все происходящее какого-либо смысла: поднять руку на стина «Мегапола» — значит, перейти все границы не только допустимого, но и мыслимого. Во имя чего? Никак не оставляло воспоминание о грессбухе с плодом ла на обложке. Я твердо решил любой ценой пощупать батумский Клуб Гимнастов-Антикваров...

У выхода из парка стояли два совершенно неприметных потребителя. Они позволяли себе то, что не принято среди порядочных людей: пасли меня, лишь для приличия прикрываясь развернутыми газетами. Законопослушному налогоплательщику, которого уже почти сорок лет ведут (а не пасут, как какую-то сямку!) виртуозы «Мегапола», невыносимо режет глаз топорная работа дилетантов. В этот день меня сопровождали Хайнц и Лопеш, сотрудники испытанные и достойные всяческих похвал. Я порекомендовал им проконсультировать любознательную парочку. Ни Хайнц, ни Лопеш до сих пор не вернулись. Думаю, они уже и не вернуться.

...Только что отстучало четыре пополудни. Бибигуль с детьми, наверное, уже на подлете к Гее-Элефтере. Надеюсь, малыши хорошо перенесли полет. Я же сижу в кабинете, спиной к стене, и стираю смазку с подарочного «кайзера». На прикладе — нашлепка: «Дорогому ученику от любящего учителя». Вот и дар Наставника Пака на что-то сгодился.

Болит сердце. Сильно болит. И ведь не приляжешь.

Пока Хозяйство не закрыто, Администратор из кабинета не уходит...

7

Если же алчет истины человек, но бредет во тьме, не имея свечи и не ведая пути, пойми и его, Добротворящий, чистого в незнании своем, и суди его не по ошибкам, неволею содеянным, иже избегнуть не дано оных и святейшим угодникам Твоим, но по искренней жажде духовной, боли сердечной и готовности бессловесной отдать жизнь и благо свои за други своя, знамые и незнамые. Пойми, а поняв — поддержи, ибо Ты веси, что в этих, заблудших ныне, но праведных, грядущее торжество Твое, Господи!

Рассказывает Акиба Д.Рубин, физик бозэция.

47 лет. Гражданство двойное.

24 июля 2115 года по Галактическому исчислению.

Право же, никак не мог предположить, что такое произойдет. Однако же произошло. Полагаю, что Теодор Иоганнович Дуббо фон Дубовицки слыхом не слыхивал о некоем Гераклите, утверждавшем, что в одну и ту же реку дважды не входят. Во всяком случае, лично Дуббо украсил своей подписью удивительный и абсолютно неожиданный документ, доставленный мне спецкурьером.

Вощеный пергамент, золотой обрез по краям; сверху, строго посередине, эмблема Объединенного Института Дальнего Космоса: символ бесконечности — восьмерка на боку, игриво орнаментированная сугубо паритетным количеством красных и белых звездочек. И, разумеется, девиз: «Urbi et orbi», то бишь — нам от мира скрывать нечего.

Первый лист занимало перечисление инстанций, ведомств и учреждений, удостоенных чести ознакомиться с копиями письма, адресованного мне. В числе прочих такой чести удостоились Центр Службы Контроля ЕГС и Центральная Контрольная Служба ДКГ (ну, этим сам Бог велел!), обе Академии (эти-то зачем?!), оба же Ведомства Дальних Перевозок (какой кошмар!) и так вплоть до загадочного ДБЛВК, мне неизвестного, зато единственного на обе державы и, наверное, тоже паритетного.

На втором листе было отпечатано собственно послание. Как положено, в две колонки. Правая половина открывалась обращением «Досточтимый сэр!», а левая, соответственно, «Уважаемый товарищ!».

Дальнейшие тексты были идентичны. Меня извещали, что:

а) простили мне необдуманные действия, совершенные из — б) политической незрелости, а отнюдь не по злему умыслу, и следовательно — в) приглашают (читай: приказывают) продолжить работу в клоаке (терминология моя. — А.Р.), именуемой ОИДК.

Итого: требовали — подчинения, послушания и творческих успехов; обещали — звонки бубны за горами, журавля в небе и телушку за морем. Подписано: особо ответственные уполномоченные по обеспечению паритета Колин Г.Б.Лонгхэнд и Ю.В.Долгорукой.

Остаток листа занимало пурпурное факсимиле подписи Дуббо фон Дубовицки. В юности исследование сего графологического реликта доставило мне немало удовольствия и едва было не подтолкнуло к изучению психопатологии.

Физике, однако, я не изменил.

Итак, день начался с сюрприза. Приятного ли? Как сказать. От счастья я не запрыгал, но и выбрасывать цидулку не стал. Все-таки — дело, которому я отдал полжизни...

Похоже, сама природа возмутилась моей беспринципностью: ветер вырвал письмо из рук и, поиграв им, забросил в соседнюю лоджию. Я не стал предъявлять ему претензий: что толку спорить с темной стихией? Пришлось идти спасать документ. Я поспел вовремя. Трясущийся от злобы мальчуган уже пристроил роскошное послание к треноге и целился в эмблему из не менее роскошного арбалета.

— Простите, — заметил я, — разве можно стрелять в чужие письма?

Теперь целились в меня. Правда, недолго. Мальчик шумно выдохнул, ослабил тетиву и мотнул головой:

— Забери.

Не без опаски я открепил манускрипт и услышал не слишком приглушенное:

— Нгенг!

— Пардон, не расслышал?

— Нгенг! — убежденно повторил мальчик.

Жена в свое время называла меня по-всякому, институтские власти мало в чем уступали ей, да и в транспорте у нас не очень-то церемонный народ. Я даже составил словарик-определитель. Но «нгенга» там не было точно. Терпеть не могу лакун в интеллекте.

— Не откажите в любезности, молодой человек, пояснить мне значение термина «нгенг», — почтительно осведомился я у владельца арбалета.

— Нгенг и слуга нгенгов! — последовало развернутое объяснение. — Нгенги обкрадывают нашу планету!

Когда меня что-либо всерьез интересует, я становлюсь на удивление настойчивым и отважным. В ходе дальнейшего собеседования выяснилось, что мальчик — артист с Дархя, что арбалет — атрибут профессии, а слово «нгенг» имеет два основных значения: либо — весьма неприятный, злодышащий и мерзотворный глоррг, либо — просто и ясно — подхвостье оранжевой своры. Я попытался оправдаться. Мальчик непримиримо настаивал, что неглорргу в клоаке не место. За простое, понятное и такое земное понятие «клоака» я и уцепился.

— Право же, душа моя, наши позиции смыкаются. Вы очень точно подметили, что весь этот объединенный гадюшник можно и нужно назвать клоакой...

Меня понесло. И я попытался объяснить мальчику, твердо знающему, что такое «нгенг», простую истину о наличии в мире вещей куда более худших. Я, признаться, не Джордано Бруно, и фрондер прекрасно уживается во мне с конформистом; я, конечно, отвечу Дуббо согласием, но — завтра. А сегодня можно позволить себе и определенную толику бунта. Особенно здесь, в гостинице, наедине с заезжим гастролером.

...Я человек с двойным гражданством. Белая ворона. В тринадцать лет я поступил в два университета сразу, а через год бросил оба. Мало кто из моих аспирантов, да и коллег, знает, что у академика Рубина нет диплома. И не надо. Мне было жалко тратить пять лет на эту тягомотину. Меня намного больше интересовали девушки, и я никак не мог подумать, что когда-либо буду преподавать сам. Я искал

с

во

ю дорогу. На ощупь, не думая ни о престиже, ни о последователях. Придись тогда мне по душе стезя монтажника-высотника, я стал бы им. Но нравилось мне другое. Теодор Иоганнович Дуббо как-то признал, что теперь три института занимаются решением «проблемок» Рубина. Я, помнится, удивился: неужели всего три? Возможно, впрочем, что остальным мои задачи пришлись не по зубам.

С боэцием вышло иначе. Я по-настоящему увлекся, а ОИДК был накручен на меня, как нитка на катушку. со всеми своими присутствиями, лабораториями и отделами. Разумеется, наматывали нитки с двух сторон и строго равномерно. Еще бы! Проблема боэция — полная паритетность (смотри пункт 1-й Порт-Робеспьерской декларации). Боэций — это дорога в Дальний Космос.

Вот почему для меня были созданы все условия: теннис, рыбалка, премилые лаборантки и — никакой канцелярщины. Для оформления результатов существовала дирекция. И она, не стану отрицать, оправдывала свое наличие: отчеты переплетались в тончайший сафьян, снабжались великолепными заставками, тиснением, виньетками и миниатюрами. Отпахав шестнадцать лет под двойным гражданством (до сих пор не могу понять: как они меня делили, вдоль или поперек? И кому какая часть доставалась?), я понял, что главная задача не имеет решения.

Мне казалось сперва, что бюрократический кавардак, царивший в Институте, дело рук Дуббо, но пару лет спустя стало вполне очевидным, что Теодор — только исполнитель. И самое страшное, что музыку эту никто даже и не заказывал — шарманка крутилась по инерции.

Я и сейчас убежден, что Дальний Космос человечеству необходим хотя бы как новая идея, объединяющая всех. В свое время люди из Союза предложили было такую идею, но даже сами не сумели разобраться, что она из себя представляет. Общие рассуждения никого не устраивали. Простые решения тоже. А идея стала знаменем для обеих держав: в одной на нее слепо молились, в другой — бездумно плевали. По разные стороны никому не нужных баррикад строили светлое будущее и дядя Марик с Делавэрианы, и дядя Сеня с Якирии. Я бывал в гостях у обоих и не мог понять, в чем, собственно, разница между ними. Зато было общее — ужас перед войной. Страх требовал защищаться, и баррикада росла, росла, росла, хотя никто и не собирался нападать. Все свыклись с ожиданием Армагеддона и уже не могли представить себе жизнь без этого ожидания.

Я не коммунист, однако уверен: коммунизм возможен и необходим. Но лишь тогда, когда человечество станет единым.

...Малыш слушал меня, не перебивая, подперев голову кулаком. Похожие лица бывают у иных студентов, когда им не все понятно, но очень интересно. После лекций такие ребята обычно подходят и просят консультации...

Сегодня я понимаю, что погорячился. Мои открытые письма вызвали невиданный скандал. Больше всего руководство обеих держав покорило фраза: «Реальная идентичность двух ведущих государств делает возможным их быстрое и безболезненное слияние».

Ко мне в кабинет явились Долгорукой вкуче с Лонгхэндом. Перебивая друг друга, они заявили, что я не понимаю ни идеалов демократии, ни идеи единства, что подрываю основы мирного соревнования, поступаюсь принципами, лью воду на мельницу, подливаю масло в огонь и обливаю грязью. В заключение они хором сообщили, что через пятнадцать минут мой кабинет будет опечатан.

Через день я прочел в газетах, что обе Академии открытым голосованием лишили меня всех наград и званий, что ученики скопом отрекаются, а некоторые даже клеймят, и что моя провокационная выходка гневно осуждена школьниками, домохозяйками, физкультурниками и всей прогрессивной общественностью...

И вот — письмо. После всего, что произошло, те же люди, приятно улыбаясь, приглашают меня вернуться, приманивают отнятыми когда-то побрякушками. А ведь не изменились ни они, ни я. Что же случилось? Рубин — это Дальний Космос. Но Дальний Космос — это единство. Неужели «верхи» поумнели?

...Мальчик покачал головой.

— Ты интересно говоришь, друг-землянин. Но идеи квэхва гласят: «Пирамиды — гниль; Космос — гниль. Истина в простоте, труде, послушании». Так говорит Любимый и Родной.

— В послушании кому? В труде для чего? В чем простота?

— Послушание — Вождю. Труд для изобилия. В простоте — равенство.

Я понял, что объяснять логически ему невозможно. Надо, чтобы он сам нашел ответ. Если захочет. Но чтобы захотеть, надо уметь искать.

— Юноша, на Дархае есть стада?

— Да, стада свиней.

— У них есть пастух, они много бегают, чтобы изобильно кормиться, они равны между собой. Это так?

— Да.

Я посмотрел ему прямо в глаза и встал:

— Ты — свинья?..

Он попытался что-то ответить — и осекся. Все правильно. Такие «теории» не предполагают абстрактных рассуждений. Теперь ему придется думать.

Я уже стоял у двери, когда мальчик остановил меня:

— Ты не нгенг. Возьми на память этот амулет. И не снимай его с шеи. Это подарок. Полезный. Я выполню долг борца, а потом расскажу Вождю о твоих вопросах. Он знает ответ...

8

Тем же, кто по воле своей отринул кротость в поиске пути праведного, положив одну лишь силу в основу Храма сердец своих, кроме же силы — ничего, дай знак, Творец, пока еще не пробил час гнева Твоего, ибо пред гневом Твоим прахом ляжет то, что полагают силой они, и тленом рассыплется то, что мощью рекут, и ничем обернется пустошь, кою в ослеплении своем мнят сии безумцы могуществом тварного мира. А потому — предупреди их, Господи!

Рассказывает Улингер Мураками, пенсионер. 65 лет. Гражданин ДКГ.

25 июля 2115 года по Галактическому исчислению.

5:30. Короткая зарядка, чашка кофе, свежие газеты под дверь. Это мой ежедневный ритуал. А еще — холодный душ. Позволять себе послабления не хочу и не стану. Адмиралы не должны, опускаться. Даже на пенсии.

Нелепое слово — «отставник». Отставить. Выставить. Уволить за ненадобностью. Это все можно сделать, достаточно одного росчерка пера. Но никто не заставит солдата забыть армию. Я приказал ординарцу убрать из кабинета почти все портреты героев, чьи дела в моем сердце. Теперь я пью утренний кофе в компании Ганнибала, Наполеона, Жукова. Они смогли бы меня понять. Они знали, что такое отставка.

6:30. Газеты аккуратно разложены на журнальном столике и подготовлены к просмотру. Капрал Перкинс, как всегда, безукоризненно пунктуален. Старика следует отметить.

Так, первый в стопке, по алфавиту — «Башни и башенные устройства». Я продолжаю выписывать и прорабатывать спецлитературу, хотя кое-кому это кажется чудачеством. Впрочем, нет, сегодня поверх подборки «Батумский ветеран». Любопытно. Бюллетень выходит нерегулярно, но, как правило, содержит интересные данные. Траурная рамка. Опять кто-то из наших. Что?! Откуда эта мерзкая рожа? Тоже мне, ветеран нашелся. «Сотрудники и близкие с глубоким прискорбием сообщают, что на шестьдесят девятом году жизни в результате сердечного приступа скончался бизнесмен Аттилио Шарафи...». Ну и оперативность! — вчера накрылся, а сегодня некролог. И где! Дожили... Проклятые торгаши и

сюда ухитрились просочиться. Всю жизнь в шезлонге, в кресле, худшая рана — геморрой, слезки из-за краха на бирже. Что они знают о настоящих потерях? Послать бы этого азиатского макаронника на Дархай и от чего-чего, а от разрыва сердца боров бы точно не сдох.

Я придвинул ежедневник и сделал пометку: написать протест в редакцию «Батумского ветерана».

6:45. Этот некролог испортил мне настроение и я сразу взялся за «Оклахомскую правду». Газета солидная, заслуживает доверия, информативна. И снова — черная рамка: «Погиб при исполнении служебных обязанностей». Хорошее лицо. Солдатское лицо. Мог бы еще жить. Вообще-то мои коллеги относятся к «Мегаполу» с сомнением. Ни то ни се. Но драться они умеют, и я лично их уважаю. Вот такие вот парни, как этот Холмс, заслоняют собою всяких гладеньких и сытенных бизнесменчиков, вроде этой штафирки Шарафи!

Под фотографией — статья за подписью Сан-Каро. «Я называл его Алек». Да, у этого старшего инспектора был хороший послужной список. Я бы, пожалуй, доверил ему «Саламандру». Если бы теперь «Саламандру» доверили мне.

...По ночам мне снятся танки. Их совершенные силуэты проходят в неясном бело-розовом тумане бесшумно и величаво. Я пытаюсь догнать их, но они уходят, уплывают, и лишь башни разворачиваются, словно отдавая мне прощальный салют. Прощайте и вы, друзья! — говорю я вслед.

Во всей Конфедерации сегодня нет «Саламандр». Их пустили в переплавку почти сразу после провала Дархайской кампании, накануне сокращения кадров. «Армия не богадельня», — вот что сказал Президент в узком кругу. Правда, на заседании Комитета начальников штабов он выразился иначе: «Дархай доказал неэффективность традиционных средств ведения войны. Пора признать, что конфликт может быть теперь или глобальным, или не быть вообще». Мы молчали, а министры поддакивали. Вторично на моей памяти Вооруженным Силам выносили смертный приговор. На этот раз действительный и бесповоротный. Армию убивали. За что же? Идея «стратегии локальных конфликтов» себя не оправдала, я согласен. Согласен и с тем, что Большое Оружие гарантировало взаимное ненападение. Но эти шпаки не могли понять главного: миссия армии

— не убивать, даже не одерживать победы. Армия — единственный гарант стабильности. Пока стоит волнорез, волны не смоят берег.

Виджайя Сингх и Фернан де Бальехо пустили себе пулю в лоб. Возможно, я последовал бы их примеру, если бы в один из самых пустых дней ко мне не пришел Огюст. Штатский костюм превратил его в пугало, но я понимал, что в глазах трехзвездного коммодора адмирал в пижаме выглядит не менее идиотски. Огюст всегда был весельчаком. Во время высадки на Карфаго он начал вдруг петь непристойные куплеты, забыв, что весь ударный эскадрон уже включил рации. Под припев «Тяжело ль тебе, капрал?» они прорвали заслоны чиклов и в тот же день обеспечили торжество демократии на планете. Потом, правда, Огюст Ришар признался, что просто хотел взбодрить ребят.

Огюст сказал, что я похож на вяленого трепанга и что мне надо подразмяться. На вопрос, где на этой планете он видел по-настоящему бодрящее дело, он показал мне членский билет Клуба Ветеранов и пригласил с собой.

Там было действительно неплохо, во всяком случае, спокойно. Что и не удивительно: все члены Клуба были старыми армейцами, а разница в званиях в нашем положении особого значения не имела. Самое главное — я оказался среди единомышленников. Одиночество

кончилось. Мы мало говорили о политике, потому что все было ясно без слов.

Я состоял в Клубе уже почти полгода, когда после общих занятий и исполнения «Ветер хлещет в лицо» Огюст попросил меня задержаться.

Осталось еще человек пять, кроме меня — все члены Правления, и еще какой-то чужак. Выправка у незнакомца была, но не наша. Скорее, вид человека, умеющего отдавать приказы и подчиняться. Говорил он ясно и четко:

— Вы — армия. Вы — соль земли. Кто, кроме вас, может навести порядок в этом борделе? Разве вы не думали, что с хаосом пора кончать? Но вам нужны солдаты.

Он точно попал в цель, в самую десятку. Это не раз обсуждалось на заседаниях. Скорее — как мечта: выступление, устранение болтунов и политиканов, строгий контроль и абсолютная дисциплина. Никакого шатания, никакой трепологии. Но солдат у нас, действительно, не было.

— Нет, солдаты есть. Много первоклассных солдат. Все вы займете посты, соответствующие вашим званиям, опыту и заслугам. Это в первую очередь в интересах миллионов простых людей, любящих труд и жаждущих порядка...

Здесь тоже возразить было нечего. По лицам соратников я видел, что эта мысль пришлась по душе всем. Кто-то спросил, правда, знает ли гость о реальных силах подразделений

с

пе

ци

ал

ис

то

в и какими материальными ресурсами располагает представляемая им организация . Ответ был не вполне конкретен, но достаточно определен: оружие есть, выступление произойдет не раньше, чем будут нейтрализованы арсеналы Контрольной Службы и Службы Контроля. Подробности — после достижения принципиальной договоренности. Огюст кивнул. Кивнули и остальные.

Мне снова захотелось жить в те дни. Работа, работа, работа — в охотку, целыми днями. Плохо одно: люди, с которыми мы работали, были молчаливы и подчинялись, как автоматы, не реагируя ни на что вне собственно тактических рекомендаций. Им не велел вождь. Какой вождь? — спросил я. И услышал:

— Вождь один для всех, выше неба, выше вашего бога. Радуйтесь, что осенены его сиянием. Ибо под знаменем идей квэхва он приведет нас к истинному порядку.

Именно так. Или не совсем так. Но мне было достаточно, и я понял все. Потому что из всего состава Клуба я был единственным, кто прошел Дархайскую кампанию. «Огюст, — сказал я, — это скверно, очень скверно. Я знаю, чем пахнут эти идейки. Нас используют, а затем вырежут». «Не паникуй, — ответил Огюст. — Все куда серьезнее. Но об этом я говорить не могу». «Не доверяешь?» «Доверяю. Но не имею права».

На следующий день я подал рапорт об отчислении из Клуба. Коммодор первого ранга Ришар

потребовал от меня молчания, пообещав взамен гарантию неприкосновенности.

12:10. Сан-Каро опаздывает непозволительно даже для штатского. Мог бы поторопиться; если политики подпишут свою писульку сегодня, завтра здесь начнется вакханалия. Я зря успокаивал себя мыслью о беспредметности дархайских прожектов. Они не затевают авантюру. Они знают! Знают, а мы, ветераны, позволили обвести себя вокруг пальца, как салажат. А тупые безмундирные мозгляки не сумели сохранить даже столь важную информацию.

Вчера утром меня пригласили в Общее Бюро и предложили пост куратора подготовки

с

пе

ци

ал

ис

то

в , владеющих исключительно холодным оружием. Я, разумеется, потребовал точных данных. С меня взяли слово чести и рассказали о Договоре и о том, что в момент подписания исчезнет все оружие, от Большого до личного. Особо подчеркнули слова «оружие массового поражения».

Пасьянс сложился.

Огюст позвонил мне вчера же, примерно в полночь, посоветовал заткнуться и сидеть тихо. Ну нет! Пусть они играют своими головами, если хотят, но я, адмирал Мураками, не позволю поганым шпакам и тощим дархайским обезьянам пустить мой мир под откос. И у меня нет двух недель, чтобы ждать прохождения рапорта по инстанциям. А оперативно эти ублюдки работать не умеют.

Пришлось обратиться к Сан-Каро: он освещает такие события, что не может не иметь выходов на Контрольную Службу. Возможно, хоть эти еще смогут что-то предпринять. Нюх у писаки неплохой: мне достаточно было только заикнуться о квэхвистах и Договоре, как он сказал, что будет у меня ровно в полдень.

12:23. На улице коротко вскрикнули. Я выглянул: на мостовой мешком лежал человек. Лицо его издали казалось сплошным кровавым пятном. Я достал бинокль и, пока толпа не скрыла лежащего от меня, рассмотрел подробности. Яан Сан-Каро был убит «звездочкой». Я закрыл ставни. Ни к чему изображать куропатку.

16:34. Под окном — вопли. Это не обычный шум города. Я знаю, как кричат, когда убивают. В дверь стучат, еще немного — и они ее выломают. Открываю сейф. На полке кучка серого порошка. Все! Подписали, сволочи. И уничтожили. Жаль, что уже не узнаю, как.

Дверь трещит. Коммодор Ришар держит слово? А может быть, уже нет и Огюста. Вполне

возможно. Противно умирать, как какой-нибудь «шарафи». Я снимаю с настенного ковра прапрадедовский катанадзаси, дышу на полированную голубоватую сталь, и сквозь гладь туманного озера на клинке медленно проступает волнистый узор. Нажимаю кнопку замка и встаю в позицию «осторожный дракон».

Добро пожаловать, господи!

Меч хочет пить...

9

Но есть и иные. Они рекут: «Нет Бога, но я семь Бог себе и людям, ибо знаю пути к Раю и не страшусь Чистилища!» Об этих не смею я и просить тебя. Отче мой и Властелине, иже непростимей наихудшего рекомое.

Но, предстоя и ответственю пред Тобою за паству свою, возлюбленных и — увы! — грешных чад, стоящих — прозреваю сие! — у края Геенны, молю тебя со страхом и ужасом пред искусом грядущим, и вопию, и стражду, и тоскую, и сиротствую ныне во прахе у стопы Твоей, об одном только умоляя: не погуби!

Рассказывает Эльмира Минуллина, специалист.

34 года. Гражданка БГС.

О событиях 25 июля 2115 года и последующих дней.

Оказывается, я умею плакать. Но плакать нельзя. А в последний раз я плакала, когда перестал писать Андрей. Когда мне передали короткое известие о его гибели, слез уже не хватило.

Чем мог стать для меня Андрюша, я поняла гораздо позже, когда рухнула попытка сделать жизнь на пустом месте. Необходимо стало узнать, как и ради чего погиб мой единственный. И я узнала. Оказалось, вокруг нас было слишком много лжи, пусть даже святой. Армии никто не распускал, их лишь припрятали, а войны продолжались, и Андрей был солдатом. Чуть позже, заплатив за это недолгим вторым замужеством, я узнала место: Дархай. И поехала туда, потому что память не хотела молчать, и он приходил по ночам.

Меня принял сам вождь А Ладжок. Ему было столько лет, сколько Андрею, каким я его помнила. И он назвал меня сестрой. Вождь воевал вместе с Андреем и рассказал мне, как жил и за что погиб Андрей Аршакуни, Далекий Брат Дархая. И где бы мы ни проезжали, алели надписи: «АНДРЕЙ С НАМИ!» и «РАВНЯЕМСЯ НА АРШАКУНИ!» Я шла по местам боев, стояла над Пропастью Бессмертных и поняла: борьба продолжается. Вождь долго беседовал со мной. «Где бы ты ни была, помни, — сказал он, прощаясь, — на Дархае твои друзья!»

Я вернулась домой. Здесь никто не помнил об Андрюше. Его убили и забыли. Тогда и умерла наивная Лемурка. Меня мутило от пацифистских брошюрок. Паритетологи не видели (или не хотели видеть?) правды. Нигде не писалось о том, что творилось на Дархае с благословения монополий Конфедерации. Нет. Не может быть мира между добром и злом. Нужно драться. Хотя бы и в одиночку.

Но в одиночку не пришлось. Мое заявление в Службе Контроля рассмотрели, вызвали меня на собеседование, а проверив, допустили к испытаниям. После двухлетних курсов я вошла в спецгруппу референток при Совете ЕГС, а чуть позже удостоилась чести стать основным

референтом Председателя.

Работа оказалась не очень сложной: инциденты случались редко, покушений не бывало вообще. Начальник Референтуры шутил, что я теряю квалификацию. Рафаил Никитич, однако, отказывался посылать меня на переподготовку, мотивируя это тем, что телохранитель ему может и не понадобится, а секретаря с обаянием надо еще поискать. Да и у Инессы Мурадовны со мной сложились вполне доверительные отношения. Мы понимали друг друга, а вот «новинок» в доме Хозяйка немного опасалась.

Моя переписка с дархайским Домом Аршакуни СК интересовала, судя по всему, примерно так же, как сам Дархай; Рафаил Никитич изредка подшучивал над моим «революционаризмом» — он говорил именно так; сам-то Хозяин всегда предпочитал золотую середину, а Инесса Мурадовна даже всплакнула, узнав об Андрее...

...Четыре месяца назад в Совете начали готовить к подписанию какой-то очень важный договор с конфедератами. По сей день не могу понять, как с ними вообще можно было о чем-то говорить? Впрочем, если они и ставили капкан, то попали в него сами. Документ был уже подготовлен, но о сути его знали только действительные члены Совета и, может быть, Инесса Мурадовна.

Я поехала в Ялту, как обычно, за две недели до Председателя: ориентировать резидентуру Службы Контроля на Планете-Для-Всех и проверить обстановку. Все было тихо. Я дала задания специалистам и позволила себе чуть расслабиться. Конечно, не настолько, чтобы не прощупать попутно Контрольную Службу конфедератов. И тем более грешно было бы упустить возможность поработать в неформальной обстановке с небезызвестным Сан-Каро. Особых новостей он не имел, хотя раскрутила я его неплохо. Впрочем, Ян, взятый помимо своего досье, был славным парнем. Мне его жаль.

Тогда же, в Ялте, я встретила с неприятным человеком. Он плел байки о кознях ДКГ и «Мегапола» против Союза и Дархая. От этого парня за версту разило провокацией: никто бы не посмел задавать прямые вопросы от имени Вождя А. Причем еще и просил этот Генрих информации о приятелях Сан-Каро. Разумеется, я объяснила ему все, что думаю, и сообщила о беседе куратору Земной СК. Видимо, на мое сообщение не обратили внимания.

24-го к вечеру Рафаил Никитич прибыл на Землю, а на следующий день в резиденции состоялась встреча. Разумеется, фигляр из Конфедерации снова притащил свою макаку. Она крутилась у него под ногами и даже напоминала чем-то своего хозяина. Беседа была совсем короткой. Рафаил Никитич и конфедератская развалина подписали какие-то документы, потом обменялись ими, пожали друг другу руки и одновременно нажали кнопки на странных овальных приборах, лежащих на столе. Я удивилась бы этой непонятной процедуре, но не успела, потому что произошло страшное...

По обоюдному желанию, встреча происходила на открытой веранде около сада. Резиденцию оцепили посты КС и СК, в сад не проскочила бы и мышь... но именно оттуда и прилетели стрелы.

Я стараюсь забыть — и не могу: Рафаил Никитич скребет пальцами подлокотник, глаза у него уже мертвые, а под кадыком топорщатся желто-синие перья. Я тянусь к пистолету — в кобуре только серый порошок, он жирно липнет к пальцам. Где оружие? Где?! Я растерялась... но кто бы не растерялся? Разве что обезьяна! Я еще не вынула руку из пустой кобуры, а она уже, злобно воя, выдернула из-под тельняшки сверкающие ножи, метнула их куда-то в листву и огромными прыжками помчалась через кусты. В густой зелени ее вой сменился торжествующим взвизгом — и оборвался.

Когда я добралась туда, коллега умирала. Она нашла убийцу, она даже ранила его, но он оказался точнее. Неподалеку валялся постовик из КС с перерезанным горлом, чуть в стороне — еще один, а тот, кто стрелял, убежал через лужок, сильно хромя. Обернувшись, он увидел меня и, не целясь, выстрелил из арбалета. Секундно мелькнуло его лицо: совсем обычный смуглый юнец, подросток, немного похожий на дархайца. Продолжать преследование я не смогла: стрела попала в ногу...

Потом... Я не помню точно. Кажется, я привела всех трех погибших в порядок, уложила их на веранде. У Рафаила Никитича и Президента были очень обиженные лица. А коллега смотрела укоризненно. Помню: я брела по горящим улицам, среди стонов и ужаса, брела в «Ореанду», сама не зная, зачем и к кому.

...Отель разгромили и загадили. Лишь в номере доктора Рубина все осталось на местах. Имя хозяйина я узнала через неделю, когда очнулась. Вместе со мной доктор приютил еще двоих: постоянно рыдающую брюнеточку Катрин (она кричала по ночам, звала какую-то Эвелину) и толстенького лысого старичка — этот держался молодцом и даже ухитрялся добывать откуда-то консервы и медикаменты.

Мы мало разговаривали. Доктор Рубин объяснил нам, что взбунтовались квэхвисты, но что убийства вроде пошли на убыль. Я спросила: где полиция и где специалисты? Он пожал плечами. Изредка в дверь ломились. Хозяин выходил, после чего стучавшие с извинениями исчезали. Когда толстяк поинтересовался, почему мы все еще живы, доктор Рубин, поглаживая себя по груди, ответил, что знает заклятье от «нгенгов».

Это было хорошее заклятье. Но и его сила кончилась в начале августа. Очередные визитеры ворвались в номер. Я видела, как рассекли голову старичку Аркаше, как повалили Катрин... скоты были грязны и щетинисты. Я сумела вырваться, выбежать в коридор, где хрипел, дергая ногами, доктор Рубин и помчалась вниз по лестнице. Странно: все происходило как бы рядом, как бы не со мной. А потом я услышала голос, и поняла, что это заработали молчавшие много дней шары-информаторы. Они вопили, орали, выли. Срывающийся голос призывал «истинных землян» истребить скверну, смести с лица планеты Земля пришлую дархайскую мерзость. Воззвание повторялось каждые пять минут; я стояла, вжавшись и грудю хлама, а в коридоре ревело: «Режьте ублюдков! Я — Солнце Власти, Единственный Вождь Квэхва, Генрих Вышковский, несущий ответ за всех вас!»

Вот тогда я успокоилась. Что бы ни происходило, квэхвисты здесь ни при чем. Никто из них не посмеет гнусно говорить о Вожде А. И я вышла на улицу. Первое, что увидела я, — это сотни мелких схваток на набережной и черные столбы дыма над развалинами. Дархайцы в пятнистых комбинезонах сражались как львы, каждый против десяти-пятнадцати вооруженных. В этом сезоне на Земле было необычно много туристов с Дархая. Сейчас их убивали. Убивали земляне! Но — земляне в развевающихся дархайских лвати!

Люди резали друг друга мечами, и лязг железа сливался в омерзительный надсадный гул. Ни одного выстрела? Почему? Кто эти твари в маскарадных лвати, которые не одевают нынче на Дархае? Кто?! Что с Землей? Я стояла на пороге отеля, пытаюсь понять. А потом крикнула: «Андрей Аршакуни!»

И мне ответили: «Андрей Аршакуни с нами!»

На клич ко мне прорывались истерзанные, ободранные, но не сдавшиеся дархайцы. Кто-то протянул мне меч, и я пошла вниз по ступеням, прорубаясь сквозь потные лвати лже-квэхвистов. Эти выродки были сильны скопом против одиночек. Сотня настоящих борцов, сплотившись, рассекла их, как топор полено.

И мы пошли вперед. Я вела иди меня вели? Не знаю. Нас становилось все больше. Из переулков, тупиков, подворотен к нам, отражая десятки ударов, рвались хрупкие пятнистые

фигурки. Дойти удавалось не всем.

Во время короткой передышки меня назвали Старшей Сестрой. Я поняла: этим людям нужно было объединиться, чтобы победить. Но они были равны между собой, а старшие групп, видимо, погибли. Не появившись я, звавшая имя Андрея и не похожая на них, изверги перебили бы дархайцев поодиночке. Они целовали значки с портретами Далекого Брата и Вождя А и просили меня вести их.

«Что случилось?» — спросила я. Мне наскоро объяснили: по лучезарной воле Любимого и Родного они отправились на Землю, чтобы познакомить местных квэхвистов с некоторыми новыми идеями, изреченными Вождем. Совместными усилиями должны были дархайцы и квэхвисты Земли развернуть страстную проповедь светоносных слов. Курс лекций назывался «Плоды Ла». Теперь, неожиданно, братья обернулись против них...

Все это звучало высокопарно, но дархайцы не умеют лгать. Я ни на миг не усомнилась в их рассказе. Нас было уже около двух тысяч, и к нам приставало все больше ободренных и озлобленных землян, выбегающих из полусожженных домов. На одной из площадей я впервые увидела, как плачут дархайцы. Они опустили мечи и окровавленными кулаками грозили небу, проклиная глорргов, закутавшихся в ти-куанги борцов. Посреди площади, подвешенные к столбу, болтались на закопченной цепи обгорелые человеческие останки. «Смотри, Старшая Сестра, как харрингенг расправился с таученгом Лоном Сарджо, руководителем нашей группы».

Там, на площади, я наконец поняла все до конца: это — конфедераты! Грязные конфедераты! Они, прикрывшись пустой бумажкой, подготовили мятеж. Они убили Рафаила Никитича, пожертвовав для этого своим Президентом, перебили моих соотечественников, а затем обрушились на дархайских туристов, ослепленные волчьей злобой против мира и прогресса. Кто этот Солнце Власти? Неважно. Кто бы он ни был — властолюбивый маньяк, сотрудник КС, платный провокатор — его путч направлен против двух единственно верных оплотов Справедливости в Галактике. Против Единого Союза и Дархая...

Мы добрались до логова мерзавца и выжгли его дотла. Я сама рубила погань, защищавшую вход в Клуб Гимнастов-Антикваров. Тут почти не было лвати, зато оказалось много военных мундиров. Соленые комки летели в лицо, но вытирать их не было времени.

— Харрингенг! — закричал кто-то за моей спиной. Я обернулась и узнала того, кто намекал мне на козни «Мегапола». Он умер нелегкой смертью...

Сейчас на Земле спокойно, если можно назвать покоем тишину душегубки. Кое-как наладилась связь: города откликаются, и некоторые согласны признать контроль Земного Центра. Другие... До них еще дойдут руки. Пожары прекратились. Но Лондон, Токио, Калькутта, Новый Узень, Нью-Йорк, Урюпинск молчат. И не только они.

Нгенги не прошли — это главное. Остатки затаились. Но они сделали все, что смогли: среди выживших лишь десятка два инженеров, ни одного учителя. Сгорели склады. Разрушены каналы. Не удалось спасти ни космолеты, ни навигаторов. Живые молят о помощи: начались эпидемии. Чем помочь?! Нечем. Ни аптек, ни врачей. Нгенги позаботились и об этом.

Дальняя Связь перекрыта начисто. Что с Внешним Миром? Где помощь? Не знаю. Но хочу верить, что дьявольский план конфедератов провалился. Союз жив! Иначе корабли ДКГ уже давно были бы здесь. Братья мои, дархайцы и земляне, стоят на страже у дверей. Глаза их суровы. Устоял ли Дархай?

Думаю, сегодня, сейчас, Земле нечего ждать. Что бы ни произошло во Внешнем Мире, там пока не до нас. И значит — плакать нельзя. Потому что я одна несу ответственность за миллионы жизней... Впрочем, скорее за сотни тысяч. Или — уже десятки? Они напуганы,

голодны, больны. Они обезумели.

Как легко все-таки они обезумели...

Ну что ж. Умирают люди. Надежда не умирает. О нас вспомнят. Конечно, вспомнят. Не скоро? Пусть. Мы будем ждать. И дождемся.

Так говорю я. Старшая Сестра Эльмира, в 123 день Ожидания...

10. И ОПЯТЬ НЕСКОЛЬКО ОТРЫВКОВ ИЗ «ОБЩИХ РАССУЖДЕНИЙ» (вместо эпилога)

..."Аминь!" — сказал я. А мог бы сказать и «кисмет». Да и еще много другого, не запрещай сан сквернословить. Одним словом, чему быть — того не миновать. Хотели сатанги того или нет, но именно они подложили человечеству свинью и, вынув камень из-за пазухи, показали кукиш в кармане. Вам кажется, что это чересчур образно? Что делать, именно такова была объективная реальность. И все мы, современные и образованные люди, так сплясали под их дудочку, что сегодня единственным нормальным на всю Галактику остается, кажется, ваш покорный священнослужитель, стаааааренький папка Бенедикт XXVII.

Сатанги слишком усердно помогали человечеству искать дорогу в Дальний Космос. Страсти по бозцию до того перегрелись, что нервы у держав наконец сдали, а офицеры, застоявшиеся в ангарах, напротив, не подвели. И грянула мерзкая и глупая драчка, после которой вдруг выяснилось, что бозция-то прекрасно хватает на всех, а результатом всей прелести оказалось вообще нечто непонятное и именующее себя режимом, прости Господи, истинного пути каких-то квэхва.

В общем, все утряслось. Открылся паритетный институт, а сатанги решили, что теперь, уладив взаимоотношения в рамках культурного мира, чем-нибудь поспособствовать и Дархаю. Они выделили несколько особей для консультирования тамошнего мальчугана — вы помните, кажется... да, того самого А Ладжока, который послал мне однажды свой портрет. Но мальчик подрос и, вдохновленный сатангами, осмелел так, что погнал в шею с планеты не только послов обеих держав, но и самих сатангов.

Человечество недоумевало, но, в конце концов, события на Дархае — внутреннее дело самих дархайцев, и их оставили в покое, благо поставки бозция А Ладжоком благоразумно не прекращались.

А вот сатанги, представьте, обиделись! Во всяком случае, проявили наконец хоть какую-то эмоцию. Они решили лишить Дархай своего благосклонного внимания и занялись работой на благо остального человечества.

К тому времени все уже поняли, что с войнами пора кончать. Мало того, что грешно, так еще и перестало самоокупаться. Сначала побаивались — как же! — посягнуть на кадровые армии. Но вот посягнули — и ничего. Ни тебе мятежа, ни даже завалящего путчика. Ин ладно. А вот как быть с оружием? Не приведи Господь, само рявкнет. Уничтожить? Опять же: как? Вдруг что-то у кого-то останется. Пиши — пропал паритет. Это я вам как папа говорю.

МЕЖГАЛАКТКООП «Нет — войне» подрядился было демонтировать железки, но, узнав условия, плюнул на гонорар. Представляете? Тут сатанги и предложили помощь: вы, мол, подпишите, а мы уничтожим. Все и сразу. Под «все» они разумели, естественно, оружие, сделанное на базе развитой технологии. А мечи, бумеранги, разные там фурикэны и прочий антиквариат оставался человечеству на память. Эту дребедень сатанги за оружие не

считали. Да и нельзя же уничтожать музейные ценности. А именно такими ценностями и были с некоторых пор вооружены дархайцы. Смекаете? А Галактика, к сожалению, смекнула поздно. Христопродавцы-журналисты даже похваливали Вождя А за шаг вперед по стезе разоружений.

Как сатанги оформили оружие, лишь Господь веши, но сделали они это основательно, со сноровкой и очень быстро — в момент подписания. И сразу же А Ладжок вплотную приступил к постройке Всеобщего Единства в галактических масштабах. Долой, понимаете ли, противоречия! Тридцать миллионов молодых и обученных дархайских туристов осматривали достопримечательности основных планет обеих держав как раз накануне встречи в верхах. А местные квэхвисты... ой, я же совсем забыл: запуганное Большим Оружием население скопом уходило в разные нирваны и нирваночки, в том числе и в изучение квэхва. Право же, уж лучше бы сийсили сотюшек, прости Господи. Но кто ж мог знать?

Так вот, в братском единении они и принялись кротко пропагандировать означенные идеи на сотне с лишним планет одновременно. Хвала тебе, Боже, что на Авиньоне нам хватало веры в тебя. Отчего и живы. Ведь духовенство пропагандировали в первую голову. Вместе с интеллигенцией. Подряд. Видимо, агитаторы заранее подготовили списки.

...Вся эта кампания шла столь успешно, что уже на третий день «Голос Дархая» передал речь А Ладжока, в коей Вождь поздравлял единомышленников с полной победой Единства в тотальном масштабе.

И вот тут-то и проявилась в полной мере красота комбинации. Идея всеобщего Единства прекрасна, спору нет. Но не для всех же! Сомневающимся тоже можно понять: нелегко с маху отказываться от чинов, привилегий, окладов. А власть? А известность, наконец? Не все же могут жить, завернувшись в национальный флаг. Тем более — политики-профессионалы. Я и сам не лишен тщеславия, по когда мне сказали, что мое место в сумасшедшем доме, я ушел туда. А они предпочли превратить в дурдом всю Галактику.

Ведь пока есть конфликты, их нужно обосновывать, планировать, урегулировать, замалчивать, в конце концов. А ежели конфликтов нет? Вот-вот... В уютных кабинетах, на рыбалках и в охотничьих домиках все было подсчитано и взвешено. Политика «Никитича» начала угрожать самому святому для его сотрудников, а этого они простить не могли. Естественно, предложи «профи» подобную авантюру своим согражданам, им бы выписали билетик ко мне на Авиньон без пересадки.

Но зачем же в лоб? Фи, как грубо. Ведь есть А Ладжок с его экспортом плодов ла и мечтой о расширении всех видов экспорта. Что стоило шепнуть ему пару слов? Не малыш уже, должен сообразить. И понял. И клюнул. Но никак не предвидел, что «профи» квэхвистами не бывают. А посему, на предмет урегулирования шероховатостей, заранее были подготовлены застоявшиеся в стойлах стратеги и тактики.

И несколько подождав, начали бравые наши мундирники критиковать дархайских туристов и туземных неофитов на всех распропагандированных ими планетах. Такой вот миттельшпиль.

На Дархае неприятно удивились. Во всяком случае, А Ладжок через четыре дня скончался после тяжелой непродолжительной болезни. Именно так гласило коммюнике, подписанное членами Временного Совета Равных. Спустя еще неделю некое Око Единства порадовало Галактику, сообщив, что убийцы Вождя (читай: Временный Совет) разоблачены и стерты с лица Дархая. Ровно через десять дней эфир потрясли откровения какого-то Комитета Спасения и Возрождения. Данный Комитет объявил об исполнении приговора в отношении так называемого Ока Единства, ближайшего подручного и подлинного убийцы кровавого тирана и авантюриста А, вместе с ним несущего ответственность за гибель миллионов юных дархайцев.

Затем названия комитетов, советов, ассамблей, собраний, центров и хунт замелькали, словно в калейдоскопе, пополняя коллекцию разоблаченных, низвергнутых и реабилитированных. Лично мне запомнилась колоритная фигура по имени Вакилья, якобы отпрыск Оранжевого дома, в течение целых двух дней называвший себя Харьядарваном Х. Если не ошибаюсь, он успел издать Ордонанс о Престолонаследии, после чего, в свою очередь, был свергнут Лунгским Национал-Демократическим Франтом. Что происходило дальше — Бог весть. Дархай умолк. Последнее, что услышала Галактика, был усталый от вдохновенного восторга голос: «Пусть живут и славятся идеи друга Юх Джугая!»

...Обе державы пережили несколько неприятных недель. Но разведка успела узнать, а контрразведка подготовиться. Не удалось только предотвратить гибель лидеров, хотя, быть может, и не очень старались. Мир их праху, у них были идеалы. А разве можно сказать о человеке лучше? В целом же, эндшпиль оказался далеко не в пользу «профи».

Кто ж мог предположить, что и КС и СК значительно более прогрессивны, чем надеялись в уютных кабинетах? Но это так. И неудивительно! — когда знаешь

в

се, трудно оставаться консерватором. Не могу сказать, вывел ли кто-то народ на улицы специально, но, выйдя, он оказался хорошо организован. Вы спросите, почему «профи» не позаботились нейтрализовать специалистов? Простите, а как их нейтрализуешь?

И в который раз история показала, что на штыках не посидишь. Придя в себя и опомнившись, человечество, наконец, объединилось. «Не убий» — прекрасная формула для истинного Единства.

Увы! Было и исключение: Земля. Планета — мать, Планета-Для-Всех. Еще в дебюте там произошел сбой. И виной тому был некто... кажется, Верховенский?... или нет? — я не силен на имена. Кампанию критики он провел неплохо, но продолжил ее нетривиально, справедливо предположив, что есть пророк и в своем отечестве. Пострадали и эмиссары «профи», и армейцы-отказники. Впрочем, под конец, простите, накрылся и сам «пророк». Народ пошел на улицы и там... Но без организации, стихийно... В общем, на Земле стало плохо. А что происходит сейчас, известно смутно. Недостоверно, сказал бы я. Резня, эпидемии, никаких ресурсов. Несколько сот тысяч, видимо, уцелели где-то в Евразии, а может, и еще где-нибудь. Уж больно сведения скупы.

В самых захудалых краях окопались, вроде бы, недораскритикованные туристы с Дархая. Кажется, они там строят какое-то будущее; светлое, понятно, но исключительно на аграрной основе. Чувствую я, что дальше плодов ла они не пойдут: для зерновых, не говоря уже о кукурузе, мозги нужно иметь. А дорогу домой они могут забыть. Сами виноваты: кто их заставлял с воплями «Отречемся от старого хлама!» крушить звездолеты? Дурак, он и на Дархае дурак.

Шустрые наследники вышеназванного пророка со славянской фамилией преуспели поболее. Они пошли другим путем, хотя и тоже аграрным. Собрали тех, кого удалось поймать, вокруг уцелевших небоскребов, нарекли население вилланами, а небоскребы, соответственно, замками и повелели пахать. Думаю, вы поняли: не небоскрегам пахать, а населению. Если верить непроверенным слухам, кое-кому жить там лучше и веселее. Постоянно — турниры, тризны, коронации, снова тризны, ну и, конечно, плановые забавы, которые я одобрить никак не могу, поскольку обязан блюсти мораль Галактики.

Правда, отдам им должное, они пытливы и изобретательны. Что вы скажете, например, о праве первой ночи с обоими новобрачными подряд? В присутствии всего Круглого Стола?! Впрочем, есть и либералы. Они обходятся без жениха.

А постоянные поиски врагов в замках? И ведь находят же!

Каждые три года охочекомонно note 4 они съезжаются в центре бывшей Одессы и с криками «Меч рождает право!» выбирают Великого Магистра Ордена Всегда Готовых. В последнее время этот пост, по-моему, занимал Йошко Благочестивый, в девичестве Бабуа. Кто, что? — знать не знаю, врать не стану. Выборы длятся дня два. После — короткая тризна и отбытие делегаций.

Доходят, правда, и такие слухи, что кое-кто на Земле все еще ждет помощи. Может, от Тебя, Господи, а может, от нас, людей. Стыдно, но ждать им придется долго. Земля выпала из сообщества, и у нас нет права вмешиваться: никому не нужен второй Дархай.

А у меня на Авиньоне все спокойно. Разве что бедняжка Джанбатиста совсем свихнулся и теперь пользуется моим пони. Капеллу я ему тоже подарил. И библиотеку! Не до развлечений. Забот невпроворот: принять эмигрантов, разместить, к делу пристроить, ну и, конечно, вселять веру. Если получится. Вроде, справляюсь. А кто-то клеветал, что я шизофреник. Хе-хе. Да я нормальнее многих, а по нынешним-то временам так, пожалуй, и всех...

Боженька! Хоть Ты и недопонимал меня раньше, но шепни на ушко, будь добренький: чем все закончится и зачем тебе это было нужно? А я — никому ни гу-гу, ты ж меня не первый год знаешь...

А сатанги исчезли, словно и не было их вообще.

Впрочем, возможно, и не было их, дети мои, возможно, и не было.

Очень возможно...

Note1

стихи автора

Note2

стихи А.Давидсона

Note3

стин — старший инспектор (жарг.)

Note4

охочекомонный съезд — собрание феодалов